

ХАНС-ХЕРМАН ХОППЕ

**ПОНИМАЯ
ЛИБЕРТАРИАНСТВО
ПРАВИЛЬНО**

ВВЕДЕНИЕ ОТ ШОНА ГЭББА

Понимая либертарианство правильно

Ханс-Херман Хоппе

Библиотека Шевцова

Опубликовано в 2018 году Институтом Мизеса. Эта работа лицензирована по международной лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivs 4.0.

Перевод на русский: Михаил Парфенюк

Редактура и оформление: [Андрей Шевцов](#)

Содержание

Введение от Шона Гэбба	5
1. Реалистичное либертарианство	21
2. О демократии, децивилизации и поисках новой контркультуры	59
3. Либертарианство и Alt-Right: В поисках либертарианской стратегии изменений в обществе	80
4. Взрослея с Мюрреем	107

Введение

Собранные в этой книге работы – это, в основном, выступления в турецком Бодруме (Bodrum) на собраниях Общества Собственности и Свободы (The Property and Freedom Society), основателем и президентом которого является профессор Хоппе. Мне повезло услышать, как он произносит эти речи, и я считаю большой честью, что меня попросили представить введение к публикуемому изданию.

Я разделил введение на три части. Сначала я кратко расскажу о молодости Хоппе и эволюции его взглядов. Во втором разделе я подробно скажу об академической работе, поставившей его во главе мирового либертарианского движения. В третьей части я пройду по темам, затронутым в этом сборнике.

Хоппе: Дитя Западной Германии

Ханс-Херманн Хоппе (Hans-Hermann Hoppe) родился 2 сентября 1949 года в немецком Пайне (Peine; возле Ганновера), в британской зоне оккупации. После учебы в нескольких местных школах он сначала поступил в Саарский университет в Саарбрюккене, а затем пере-

велся в Университет Гете во Франкфурте-на-Майне, где учился у известного неомарксиста Юргена Хабермаса (Jürgen Habermas), который также был главным научным руководителем при написании Хоппе докторской диссертации по философии Дэвида Юма (David Hume) и Иммануила Канта (Immanuel Kant). В те дни будущий либертарианский мыслитель сам был марксистом и не имел серьезных разногласий со своим наставником. Позже он говорил: «Что мне (...) нравилось в марксизме, так это то, что он пытался создать строгую дедуктивную систему».¹ Со стороны все выглядело так, будто он шел по пути, которому следовали тысячи из его поколения. При сохранении статус-кво все должно было закончиться тем, что он бы занял постоянную должность, на которой его обязанностью, при росте недовольства внутри страны, была бы проповедь нового порядка вещей в Западной Германии.

Однако вскоре он разочаровался в марксизме как в интеллектуальной системе. Его разочарование возрастало постепенно, и он прошел через период, когда находился под влиянием Карла Поппера, и даже придерживался социал-демократических взглядов. Его окончательный разрыв с левыми наступил во время написания его диссертации по основам социологии и экономики. Он начал с идеи, что, хотя некоторые истины о мире могут быть известны априори, законы экономики и социологии, по крайней мере в значительной степени, познаются с помощью метода индукции. Затем он отверг эту идею, перейдя к мысли, что экономика, в отличие от социологии, является полностью дедуктивной наукой. Это привело его к открытию для себя идей Людвиг фон Мизеса (Ludwig Heinrich Edler von Mises).

¹ «The Private Property Order: An Interview with Hans-Hermann Hoppe», Austrian Economics Newsletter 18, no. 1 (2014). Доступно [здесь](#).

Это была система, которая была столь же амбициозна, как и марксизм. Австрийская школа представляла собой набор взаимосвязанных, и, в значительной степени, дедуктивных теорий экономики, политики, права и других областей знаний. По сравнению с марксизмом, они были интеллектуально обоснованны. Также они давали истинные представления об окружающем мире. Последним шагом на этом новом и непредсказуемом пути было знакомство со взглядами Мюррея Ротбарда (Murray Newton Rothbard). В конце 1970-х Хоппе стал радикальным сторонником либертарианства. Ему перестали быть рады в университетской среде Западной Германии, и в 1985 году он переехал в Соединенные Штаты.

Хоппе: Наследник Ротбарда

До 1986 года он преподавал в Нью-Йорке под руководством Ротбарда, «работая и живя с ним бок о бок, в постоянном и непосредственном личном контакте». Позже они оба переехали для преподавания в Университете Невады в Лас-Вегасе (University of Nevada, Las Vegas). Там они стали центральными фигурами группы, что стало называться «Лас-Вегасский кружок» — группой либертарианских экономистов и философов, таких же блестящих и продуктивных, как и на протяжении всей истории либертарианского движения. Среди других членов кружка были Юрий Мальцев (Yuri N. Maltsev), Дуглас Френч (Douglas French) и Ли Иглоди (Lee Iglody). Хоппе оставался профессором в Лас-Вегасе до 2008 года. Но он признает, что после смерти Ротбарда в 1995 году все изменилось. Хоппе видел в нем своего «главного учителя и наставника» и «самого дорогого друга».

Хотя он написал большое количество трудов во время своей работы с Ротбардом и после, его самым важным вкладом в либертарианство и философию в целом, вероятно, является его работа над тем, что он называет «этикой аргументации» (argumentation ethics). Кажется, что каждая светская идеология покоится на шатком фундаменте. Либертарианство не является исключением. Почему люди не должны подвергаться принуждению? Почему они должны быть свободными? Мы можем утверждать, что свобода позволяет людям быть счастливыми, в отличие от того, если бы они подвергались эксплуатации. Мы можем утверждать, что это позволяет им стать богаче. Ответом на это становится вопрос о том, почему люди должны быть богаты или счастливы. Эти блага могут рассматриваться как самоочевидные, но их не всегда так оценивают. Еще одно возражение состоит в том, чтобы начать искать слабые места в определении и измерении счастья. Или мы можем утверждать, что каждый человек рождается с определенным количеством естественных и неотчуждаемых прав, включая право на жизнь, свободу и собственность. Возражением на это является вопрос о том, каким образом предоставляются заявленные права – при том, что они не были даны Богом или его представителем, и учитывая мнение, что подобные утверждения являются бессмысленными.

Хайек и Мизес – два человека, которые в середине XX века больше всех старались сохранить идеи классического либерализма – были утилитаристами. Ротбард, соединивший учение австрийской экономической школы с американским радикализмом для создания современного либертарианского движения, разделял веру Айн Рэнд (Ayn Rand) в естественные права. В течение многих лет, пока после окончания «Холодной войны»

не возникло большое количество споров практического характера, почти каждое собрание либертарианцев включало в себя перечисление различий между двумя основными школами.

Хоппе, с помощью своей «этики аргументации» пытается выйти за пределы этих дебатов. При этом он опирается на свои ранние работы с участием Хабермаса, кантовскую традицию немецкой философии и труды Ротбарда по этике. Хоппе начинает с наблюдения, что есть два способа разрешения любого спора. Одним из них является сила. Другим — аргументация. Любая сторона спора, которая выбирает силу, выходит за рамки цивилизационных норм, которые включают в себя избегание агрессии, и не имеет права жаловаться, если сила используется со всей жестокостью по отношению к агрессору. С другой стороны, любой, кто выбирает способ аргументации, принимает эти нормы. Если затем он начинает доказывать правильность применения силы как средства получения желаемого от других, его аргументация становится логически противоречивой. Если быть кратким, то любой, кто отвергает либертарианский принцип неагрессии, неизбежно отвергает нормы рационального обсуждения. Тот, кто утверждает, что принимает эти нормы, должен также принять принцип отказа от агрессии.²

Спустя долгое время после первой публикации этой работы, Хоппе отрицал, что это было отступлением от концепции естественных прав:

Я пытался сделать первые две главы «Этики свободы» («The Ethics of Liberty») Ротбарда мощнее, чем они были. Это, в свою очередь, придало бы большую значимость остальной работе. Я был несколько неудовлетворен стро-

² См., например, Hans-Hermann Hoppe, «The Ultimate Justification of the Private Property Ethic», Liberty, Сентябрь 1988. Доступно [здесь](#).

гостью, с которой были достигнуты исходные этические положения либертарианской политической теории. Интуитивно они казались правдоподобными. Но я видел, что несколько иной подход мог быть убедительнее. Мюррей никогда не считал мою версию угрозой его концепции. Его беспокоило только то, обоснован ли такой подход? В конечном счете он согласился, что это так.³

Действительно, Ротбард высоко оценил эту теорию. Он назвал это «ослепительным прорывом для политической философии в целом и для либертарианства в частности. ... [Хоппе] удалось преодолеть известную дихотомию «факт/ценность», которая преследует философию со времен схоластики и которая завела современное либертарианство в утомительный тупик».⁴

Если Ротбард, очевидно, был интеллектуальным лидером либертарианского движения, то Хоппе был его главным учеником и преемником. К моменту смерти Ротбарда он внес весомый вклад не только в область фундаментальной этики, но и в экономику, политику и право. Он был источником вдохновения и оратором, востребованным во всем мире. Ни в Америке, ни во всем мире не нашлось бы никого лучше, кто мог бы продолжить дело Ротбарда. Теперь он является редактором журнала «The Journal of Libertarian Studies» и сопредседателем «Quarterly Journal of Austrian Economics».

Сам Ротбард, однако, не был принят всеми в либертарианском движении. Одним из его многочисленных талантов было умение наживать врагов. У него было много причин для их создания или привлечения. Ротбард был изоляционистом в эпоху, когда американские

³ «The Private Property Order».

⁴ Симпозиум «Hans-Hermann Hoppe's Argumentation Ethics: Breakthrough or Buncombe?» Liberty, Ноябрь 1988.

правые определили себя как оппозицию коммунизму и Советскому Союзу. Он скептически относился к крупному бизнесу, который воспринимался как суть американского капитализма. Ротбард был анархистом среди экономистов, которые искали свой путь к приватизации и дерегулированию. Он видел в каждом шаге восхождения Америки к мировой власти как предательство американского образа жизни. Ротбард имел связи с левыми и ультраконсерваторами. Он вел открытую войну с утилитаристами-государственниками и сторонниками «мягкой валюты» («soft currency») со стороны Чикагской школы. У него произошел раскол с основанным им Институтом Катона (Cato Institute). Он был язвителен в своем презрении к политкорректности и идее всеобщего равенства, которое выходило за рамки равенства негативных прав.

Хоппе является еще более противоречивой фигурой. Как общеизвестный культурный консерватор, он не принимает гедонистические или левые течения либертарианства. С самого начала своего пути в либертарианстве он больше уделял внимания правам собственности, чем толерантности. В работе «Демократия: Низвергнутый бог» («Democracy: The God that Failed») он пишет, что в его представлении идеальное общество – это не общество «толерантности» и «непредубежденности», которые столь дороги левым либертарианцам. Вместо этого человек должен встать на правильный путь восстановления свободы вступления и выхода из объединений, которые подразумеваются в институте частной собственности.⁵

Он добавляет:

В договоре, заключенном между собственником и арендатором с целью защиты частной

⁵ Ханс-Херман Хоппе, «Демократия: Низвергнутый Бог» (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2001), стр 211.

собственности, не может существовать такого понятия, как право на (неограниченную) свободу слова, даже в отношении владельца собственности. Можно быть сторонником почти любой идеи, но, естественно, никому не позволено пропагандировать идеи, противоречащие идее существования и защиты частной собственности, такие как демократия и коммунизм. В либертарианском обществе нет места терпимости к демократам и коммунистам. Они должны быть физически отделены и изгнаны из общества. Аналогичным образом, в обществе, основанном с целью защиты семьи и родственных связей, не может быть терпимости по отношению к тем, кто пропагандирует образ жизни, не совместимый с этой целью. Это касается сторонников альтернативного, антисемейного образа жизни, такого как гедонизм, паразитизм, экофашизм, гомосексуализм и коммунизм – такие люди должны быть изгнаны из либертарианского общества для поддержания порядка.⁶

Эти и подобные заявления были и остаются крайне противоречивыми в либертарианском движении. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что почти каждый сторонник движения, начиная примерно с 2000 года, имеет какое-то мнение о Хоппе. Одни считают его величайшим из либертарианцев, другие – дьяволом. Единственное, в чем согласны все стороны, заключается в том, что он является мыслителем, которого нельзя игнорировать.

Об этом сборнике

В связи с этим, данный сборник будет полезен как крат-

⁶ Ханс-Херман Хоппе, «Демократия: Низвергнутый Бог» (New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2001), стр 216-217.

кое изложение позиции Хоппе по наиболее важным вопросам либертарианского движения – и наиболее важным вопросам нашего века. Я понимаю, что хотя многие пропускают предисловия, другие судят по книге именно по нему. Поэтому я более, чем обычно, осознаю необходимость в кратком и точном изложении и обсуждении содержания работ этого сборника.

В нескольких местах Хоппе повторяет и подчеркивает свою точку зрения, согласно которой основы либертарианства выводятся с помощью цепи дедуктивных рассуждений, основанных на неоспоримых посылах. Мы живем в мире дефицита. Существует либо нехватка ресурсов, либо нехватка времени для их использования. У всех нас имеются разные представления о том, как использовать эти ресурсы. Поэтому, если мы хотим жить в мире, где конфликты из-за ресурсов сводятся к минимуму, мы должны договориться о правах собственности и обмена.

Для нас должно быть очевидно, что мы владеем собой. Противоположное утверждение приводит к очевидной бесчеловечности. Такой взгляд, по крайней мере, повышает вероятность неограниченного конфликта из-за определения прав собственности. Что касается внешних ресурсов, то идеальное решение заключается в том, что они принадлежат тому, кто первым присвоил их из первоначального состояния (State of Nature), после чего они могут быть переданы по взаимному согласию – то есть путем продажи, дарения или наследования. Это решение является идеальным. В большинстве стран мира земельная собственность находится в собственности уже тысячи лет и неоднократно конфисковалась и перераспределялась. Нет ни одного квадратного дюйма в Англии или Западной Европе, название которого происходит имени его первого собственника. Таким обра-

зом, практическим решением является опровержимая презумпция в пользу существования правовых титулов – опровержение является убедительным доказательством правового статуса, полученного из более ранней цепочки владения. Исключение составляет государственная собственность. Ее следует вернуть владельцам последнего обоснованного правового статуса.

Опровержение или отрицание этого приводит к большему количеству конфликтов, чем такое положение дел. На этом месте, однако, самоочевидная природа либертарианства заканчивается. Некоторые дальнейшие положения, следующие из экономики, продолжают цепочку самоочевидных истин. Другие обсуждения подхода или формы либертарианского общества уже включают вопросы прагматического характера.

Если бы весь человеческий вид выглядел одинаково и мыслил более или менее схожим образом, деятельность либертарианцев заключалась бы исключительно в привлечении сторонников. Но люди бесконечно разнообразны. Существуют различия во внешности, способностях, убеждениях и ожиданиях. Эти различия очевидны между индивидами. В той же степени очевидны и различия между группами индивидов. Мы не являемся «чистой доской» («*Tabula rasa*»), на которой «дух времени» («*Zeitgeist*») может написать все, что пожелает. Мы рождаемся разными. Наши различия увеличиваются по мере реагирования на то, что подразумевается под «духом времени».

В долгосрочной перспективе взгляды Хоппе и его критиков не противоречат друг другу. Они надеются на единое человечество, объединенное в уважении к жизни, свободе и собственности, обогащенное культурными и материальными благами, которые дает мир всеобщей свободы. На данный момент этого единого

человечества не существует – и вряд ли оно будет существовать. Либо мы должны принять во внимание существующие различия, либо нет. Если мы этого не сделаем, то превратимся в бесполезных интеллектуалов, которые будут бесконечно дискутировать друг с другом о взаимосвязи между принципом неагрессии и доктриной аннулирования контрактов. Или мы станем опасными интеллектуалами – защитниками существующих политических режимов во имя принципа неагрессии, которая не уменьшает, а увеличивает вероятность конфликтов из-за дефицита ресурсов. Если мы примем во внимание эти различия, то окажемся на непопулярной стороне по большинству вопросов, которые обсуждаются в нынешнее время.

Если мы решим вступить в дебаты по этому поводу, то один факт представляется очевидным. Он заключается в том, что самыми свободными и процветающими из когда-либо существовавших обществ были те, в которых доминирующая роль принадлежала гетеросексуальным мужчинам, потомкам населявших Западную и Центральную Европу и Восточную Азию охотников и собирателей. Действительно, если рассуждать о причинах этого, то наиболее вероятной причиной – той, которая обычно отбрасывается после получения длительного и дорогого университетского образования – является нечто присущее этим народам, а не каким-то набором случайных обстоятельств, имевших место на протяжении последних нескольких тысяч лет.

Это не означает, что эти группы «лучше» других в каком-либо абстрактном значении. Это не означает, что все члены этих групп проявляют одинаковую способность сохранять присущие им или приобретенные социальные порядки. Нельзя также сказать, что все члены других групп в равной степени неспособны приобрести

или сохранить такие порядки. И это, конечно, не означает, что мы должны думать плохо об этих группах. Хоппе всегда был предельно ясен в этом вопросе, и эти взгляды отражены в этом сборнике. Это просто вопрос признания фактов. Есть бородатые женщины. Есть мужчины с грудью. Не каждый англичанин пунктуален. Не каждый нигериец непунктуален. Тем не менее, основывая наше поведение на исключениях, а не обобщениях, рано или поздно мы неизбежно окажемся в затруднительном положении.

Одним из следствий этого является то, что Хоппе выступает против антидискриминационных законов. Если бы существовал закон, согласно которому только белые гетеросексуальные мужчины-христиане могли бы быть докторами, он осудил бы это – точно так же, как он у истоков своих взглядов осудил любую разновидность рабства. Такие ограничения нарушают негативное следствие права на свободу объединений. Если мы хотим быть свободными действовать так, как мы того пожелаем, значит мы должны быть свободны от принуждения. Иногда наши решения будут основываться на только что упомянутых социальных реалиях, иногда нет. В любом случае, это наши решения, и не должно быть законов, препятствующих им.

Второе следствие заключается в необходимости положить конец «сменам режимов» («*coup d'état*») и «государственному строительству» («*nation-building*») в других частях мира. В этом сборнике Хоппе лишь мимоходом упоминает о своем неприятии экспансии США на Ближнем Востоке. Но его отрицание подобной политики прочно и глубоко. Озвучиваемые поводы для этих вторжений являются доказанной или вероятной ложью. И даже если не так, то вмешательство там, где его не поддерживают или не могут принять, приведет

только к большему кровопролитию, чем сохранение текущего положения дел.

Третьим следствием является то, что Хоппе выступает против открытых границ. Это возвращает меня к его взглядам о прагматическом применении либертарианской теории. Есть либертарианцы, которые заучивают наизусть какую-нибудь формулировку принципа неагрессии и сразу же приходят к выводу, что все границы аморальны. Такой подход игнорирует существующую реальность. Массовая иммиграция из упомянутых ранее стран будет иметь явно негативные последствия. Это увеличит преступность и беспорядок. Это значительно расширит список претендентов на социальное обеспечение. Это увеличит аудиторию политиканов, чья карьера – одно долгое нападение на жизнь, свободу и собственность. Открытые границы сами по себе в настоящее время — и в особенности открытые границы вместе с государством всеобщего благосостояния и нашими бесконечными войнами, которые порождают бесконечные толпы беженцев — это атака на цивилизацию.

Нет никаких оснований полагать, что настоящее либертарианское общество допустило бы существование открытых границ. Люди имеют право торговать друг с другом, но не селиться там, где им заблагорассудится. Одно из центральных утверждений либертарианской теории состоит в том, что вся собственность должна стать частной. Любой участник либертарианского сообщества может принести большой ущерб своими действиями. Если это так, то бесспорным правом собственников в таком сообществе является сдерживание приема в него новых участников, которых собственники по какой-то причине считают нежелательными. Те, кто решит не делать этого, столкнутся с ущербом на

своей земле со стороны правонарушителей. Либертарианский мир был бы лоскутным одеялом из общин, которые были бы чрезвычайно разнообразны. Впрочем, большинство из них, вероятно, будут придерживаться строгих правил их посещения. Будет достаточно общин, которые примут всех желающих с распростертыми объятиями. Хоппе, однако, считает, что таких общин будет меньшинство и что их неудачи послужат примером для других.

Сейчас это спор о мире, которого не существует, и который может не существовать в течение очень долгого времени. Мы живем в мире национальных государств с их границами. Что делать с иммиграцией в таком мире? Хоппе признает незаконность текущего порядка вещей, но признает существование в нем порядка. Если цивилизация хочет выжить в своем нынешнем ущербном состоянии, необходимо настаивать на том, чтобы государства выступали в качестве доверенных лиц тех, кто их финансирует. Это не означает полного запрета на иммиграцию или враждебного отношения к отдельным лицам на основании их внешности. Но это означает строгий контроль границ и депортацию нежелательных элементов. Это также означает повышение платы за пользование общественной собственностью для тех, кто не внес в нее никакого вклада. Это означает отказ в доступе к той части социального обеспечения, которое, пусть и неразумно, доступно местному населению. Остальную иммиграционную политику лучше всего будет описать не как «антидискриминационную», но как «принудительную интеграцию».

Большинство полемических нападок Хоппе в последние годы были направлены против людей, имеющих себя «левыми либертарианцами». Они сочетают в себе принятие левых понятий равенства и антидискри-

минационного подхода с долей веры в свободный рынок. В то же время, Хоппе ни в каком смысле не считает себя лидером движения Alt-Right (alternative right). Оно представляет из себя коалицию национал-социалистов, белых расистов, консерваторов разнообразных взглядов и разочарованных либертарианцев. В 2016 году движение Alt-Right получило огласку благодаря поддержке Дональда Трампа. Они также печально известны участием в марше «Объединенных правых» (Unity the Right Rally) в Шарлотсвилле (Charlottesville) в 2017 году.

Хоппе признает, что Alt-Right и либертарианцы стоят в оппозиции к раздутым, злобным, разжигаящим войну элитам, которые правят большинством западных стран. Он был открыт для диалога с некоторыми из наиболее разумных лидеров Alt-Right. Но он по-прежнему с недоверием относится к их движению в целом. Ему не нравится их мистицизм и призывы к «высшему разуму» – вместо осмотрительного рационализма эпохи Просвещения. Ему не нравится их одержимость расой – вместо четкого представления о фактических различиях между отдельными людьми и группами лиц. И ему особенно не нравятся их уступки социализму, в том числе, те его разновидности, в которых выгодополучателями будут белые люди. Если это движение эволюционирует и развернет войну против неоспоримого зла, тем лучше. Если же, что кажется более вероятным, оно превратится в коалицию тоталитарных или полутоталитарных культов, то он не хочет иметь с Alt-Right ничего общего.

Заключение

Хоппе несколько раз упоминает в этом сборнике, что он стареет, и что будет продолжать работать до тех пор, пока позволяет здоровье. Я надеюсь, что он будет ра-

ботать еще долгие годы. Но давайте предположим, что Хоппе ушел бы от нас уже завтра. Это была бы ужасная потеря. В то же время, у меня нет ни малейшего сомнения в том, что благодаря его достижениям интеллектуальный мир стал лучше. И я надеюсь и верю, что вдохновение, которое дают его труды, однажды поможет становлению лучшего мира для всего человечества. Если это небольшое собрание сочинений и мое краткое введение составят часть этого вклада, то оно было опубликовано не напрасно.

Шон Гэбб
Апрель 2018

Реалистичное либертарианство

Либертарианство логически согласуется почти с любым отношением к культуре, обществу, религии или моральным принципам. Строго говоря, либертарианская политическая доктрина обладает самодостаточностью. Действительно, большинство либертарианцев могут быть и на самом деле являются: гедонистами, нигилистами, имморалистами, воинствующими врагами религии вообще и христианства в частности – и все же они могут быть последовательными приверженцами либертарианской политики. Действительно, формально можно быть сторонником прав частной собственности и быть мошенником, жуликом и вымогателем, каковыми оказываются слишком многие либертарианцы. Логически это возможно, *но психологически и социологически, на практике это так не работает.*¹

¹ Мой акцент. Мюррей Ротбард, «Big-Government Libertarians», в редакции Лью Рокуэлла, *The Irrepressible Rothbard* (Auburn, AL: Mises Institute, 2000), стр. 101.

Позвольте мне начать с нескольких замечаний о либертарианстве как о чисто дедуктивной теории.

Если бы в мире не существовало дефицита благ и ресурсов, конфликты между людьми были бы невозможны. Межличностные конфликты всегда связаны с чем-то дефицитным. Так, я хочу сделать X с данной вещью, а вы хотите сделать Y с той же самой вещью.

Из-за таких конфликтов — и поскольку мы можем общаться и спорить друг с другом — мы формируем правила поведения, чтобы избежать этих конфликтов. Целью правил является предотвращение конфликтов.. Если бы мы не хотели их устранения, то выработка правил поведения была бы бессмысленной. Мы бы жили в постоянных вражде и борьбе.

В отсутствие идеальной гармонии всех интересов, избежать конфликтов в отношении ограниченных ресурсов можно только в случае, если все они будут переданы в качестве частной, исключительной собственности какому-либо конкретному индивиду. Только в этом случае я смогу действовать со своей собственностью независимо от вас с вашей собственностью, не вступая с вами в конфликт.

Но кому принадлежит право частной собственности на дефицитный ресурс, а кому — нет? Во-первых, каждый человек владеет своим физическим телом, которое напрямую контролирует только он сам, и никто иной (я могу контролировать ваше тело лишь косвенно, не напрямую, сначала непосредственно контролируя свое тело, и наоборот), и тем, что он также непосредственно контролирует, обсуждая и споря на эту тему. В противном случае, если бы владение телом было возложено на какого-то косвенного управляющего телом, конфликт был бы неизбежен, поскольку непосредственный хозяин тела не может отказаться от своего прямого управ-

ления телом, пока он жив. В противном случае, было бы невозможно, например, чтобы какие-либо два лица, как стороны в любом имущественном споре, когда-либо могли спорить и обсуждать, кто из них прав, поскольку спор и дискуссия предполагают, что как защищающий какую-то позицию, так и его оппонент оба имеют исключительный контроль над соответствующими органами своего тела и поэтому приходят к справедливому решению самостоятельно, без принуждения и насилия (при бесконфликтной форме взаимодействия).

Во-вторых, что касается дефицитных ресурсов, которыми можно управлять только косвенно (они должны быть присвоены с помощью неотъемлемого права на тело). Исключительный контроль (право собственности) приобретается и присваивается лицу, получившему ресурс первым или путем добровольного (бесконфликтного) обмена у предыдущего владельца. Ибо только первый, кто присвоит ресурс (и все последующие владельцы, связанные с ним через цепочку добровольных обменов), может получить контроль над ним без конфликта, мирным путем. В ином случае, если право исключительного контроля доступно и для других участников процесса, избежать конфликта не удастся — и это противоречит самой цели выработки правил.

Позвольте мне подчеркнуть, что я считаю эту теорию неопровержимой и априорно истинной. По моей оценке, эта теория представляет собой одно из самых великих — если не величайшее — достижение общественной мысли. В ней сформулированы и представлены в строгом порядке незыблемые и базовые правила для всех, кто хочет жить в мире и спокойствии.

И все же, эта теория мало что сообщает нам о реальной жизни. Конечно, она говорит нам, что все ныне существующие сообщества, поскольку в них приняты

мирные отношения, осознанно или неосознанно придерживаются этих правил, а значит, руководствуются разумом. Но из этой теории не ясно, в какой степени это так. Она также не объясняет — даже если бы эти правила никогда не нарушались — как люди на самом деле живут вместе. Она не говорит: как близко или далеко они живут друг от друга, если, когда, как часто и долго, и для каких целей они взаимодействуют между собой и т.д. Если пользоваться аналогией, то понимание либертарианской теории — правил мирных отношений — подобно знанию правил логики, правил правильного мышления и рассуждения. Однако, точно так же, как знание логики, столь необходимое для правильного мышления, ничего не говорит нам о действительных человеческих мыслях, о действительно используемых словах, понятиях, аргументах, умозаключениях и выводах, так и логика мирного взаимодействия (либертарианство) ничего не говорит нам о действительных человеческих действиях. Следовательно, подобно тому, как каждый логик, желающий хорошо использовать свои навыки, должен обратить внимание на реальные мысли и рассуждения, так и теоретик либертарианства должен обратить свое внимание на действия реальных людей. Вместо того, быть лишь простым теоретиком, он должен также стать социологом и психологом и принимать во внимание «эмпирическую» социальную реальность — то есть мир — таким, какой он есть в действительности.

Это подводит меня к теме «левых» и «правых».

Различие между правыми и левыми, как часто замечал Пол Готфрид (Paul Gottfried), заключается в фундаментальном расхождении в отношении эмпирического вопроса. Правые, по сути дела, признают существование индивидуальных различий между людьми и при-

нимают их как естественные, тогда как левые отрицают существование таких различий или рассматривают их как нечто противоестественное, как то, что должно быть исправлено для установления естественного состояния равенства всех людей.

Правые признают существование индивидуальных различий не только в отношении физического положения, окружающей среды и человеческого тела (его роста, силы, массы, возраста, пола, цвета кожи, волос или глаз, черт лица и т.д.). Что более важно, правые также признают существование психических различий, то есть в когнитивных способностях, талантах, психологических склонностях и мотивациях. Они признают существование смысленных и непонятливых, умных и глупых, близоруких и дальновидных, тружеников и бездельников, агрессивных и мирных, рутинеров и новаторов, импульсивных и терпеливых, обязательственных и безответственных и так далее и тому подобное. Правые признают, что эти различия, возникающие в результате взаимодействий физической среды и физического тела человека, являются результатом воздействия внешних, физиологических и биологических факторов. Правые признают, что люди связаны друг с другом (или разделены) как физически (географическое пространство), так и эмоционально, кровными узами, языком, религией, обычаями и традициями. Более того, правые не просто признают существование этих различий. Они также осознают, что результат этих различий приводит к появлению людей с большой и малой собственностью, богатых и бедных, а также людей с высоким и низким социальным статусом, рангом, влиянием или авторитетом. И они считают результат таких различий естественным.

Левые же убеждены в фундаментальном равенстве

людей, в том, что все «созданы равными». Конечно, они не отрицают очевидного: существования внешних и физиологических различий, что одни люди живут в горах, а другие на побережье, или что одни мужчины высокие, а другие низкие, одни белые, другие черные, одни мужчины, другие женщины и т.д. Но левые действительно отрицают существование психических различий или, если они слишком очевидны, чтобы их можно было отрицать, они пытаются объяснить их как «случайность». То есть левые либо объясняют такие различия исключительно внешними причинами, что изменение внешних условий (например, перемещения человека с гор на побережье и обратно или предоставления каждому одинакового внимания до и после рождения) привело бы к равному результату, и они отрицают, что эти различия вызваны (в том числе) некоторыми — сравнительно неподатливыми — биологическими факторами. Или же, в тех случаях, когда нельзя отрицать, что биологические факторы являются определяющими результатом, как например, когда мужчина ростом 5 футов не может выиграть олимпийскую золотую медаль в беге на 100 метров или когда полная и некрасивая девушка не может получить титул «Мисс Вселенная», то левые считают эти различия удачей, а их результат — незаслуженным. В любом случае, независимо от того, вызваны ли эти различия благоприятными или неблагоприятными экологическими или биологическими факторами, все наблюдаемые индивидуальные различия должны быть уравнены. И там, где это невозможно сделать буквально, как мы не можем сдвинуть горы и моря или сделать высокого человека низким или черного человека белым, левые настаивают на том, что незаслуженно «удачливый» должен компенсировать «неудачливого», чтобы каждому человеку было предоставлено «равное

положение в жизни», в соответствии с естественным равенством всех людей.

Приведя краткую характеристику левых и правых, я возвращаюсь к теме либертарианства. Совместима ли либертарианская теория с мировоззрением людей правых и левых взглядов?

Что касается правых, то ответом будет решительное «да». Каждый либертарианец, который имеет хотя бы смутное представление о социальной реальности, признает истинность мировоззрения правых. Он может согласиться как с утверждением правых относительно фундаментального неравенства людей как физически, так и психологически, как на основе эмпирических данных, так и на основе нормативного утверждения правых о «laissez faire», то есть о том, что естественное неравенство между людьми неизбежно приведет к различным результатам и что с этим ничего нельзя сделать.

Есть только один важный нюанс. В то время, как правые могут признавать неравенство между людьми, будь то начальные условия или конечные результаты, как естественное, либертарианец будет настаивать на том, что только те виды неравенства являются естественными и не должны быть нарушены, которые возникли в результате следования основным правилам мирного взаимодействия, упомянутым в начале. Однако неравенство, являющееся результатом нарушения этих правил, требует принятия регулирующих мер и должно быть устранено. Более того, либертарианец будет настаивать, что среди бесчисленных наблюдаемых неравенств, существуют многочисленные случаи неравенства, которое является результатом нарушения правил мирного сосуществования, из-за которого многие люди обязаны своим богатством не тяжелому труду, дальновидности, предпринимательскому таланту, до-

бровольному дару или наследства, а грабежу, мошенничеству и предоставленным государством монопольным привилегиям. Однако исправительные меры, необходимые в таких случаях, мотивируются не эгалитаризмом, а стремлением к реституции: тот (и только тот), кто может доказать, что он был ограблен, обманут или незаконно обделен, должен получить возмещение ущерба за счет того (и только того), кто совершил эти преступления против него и его собственности, включая случаи, когда реституция привела бы к еще большему неравенству (например, когда бедный обманул и должен возратить долг богатому).

С другой стороны, что касается левых, то ответом будет столь же категоричное «нет». Эмпирическое утверждение левых о том, что между индивидами и, следовательно, между разными группами людей не существует значительных психических различий, и что кажущиеся такими различия обусловлены исключительно факторами окружающей среды и они исчезли бы, если бы только окружающая среда была уравнена, что противоречит повседневному опыту и множеству эмпирических социальных исследований. Люди не равны и не могут быть равны, и какие бы действия не предпринимались в этом отношении, неравенство между людьми будет возникать снова и снова. Именно подразумеваемые нормативные требования и активистская повестка левых делают ее несовместимой с либертарианством. Цель левых о всеобщем равенстве положения в жизни между людьми несовместима с частной собственностью, будь то собственное тело или предметы внешнего мира. Вместо мирного сотрудничества такая цель порождает нескончаемый конфликт и ведет к категорически неэгалитарному установлению постоянно существующего правящего класса, господствующему над остальными

людьми и рассматривая его как «материал», подлежащий выравниванию. «Поскольку», — как сформулировал это Мюррей Ротбард, — «ни один из двух людей не является равным в любом смысле по своей природе или по результатам мирного сосуществования, для достижения и поддержания такого равенства необходим постоянный контроль властной элиты, вооруженной разрушительной силой принуждения».²

Существует бесчисленное множество индивидуальных человеческих различий; и существует еще больше различий между различными группами индивидов, поскольку каждый индивид может быть частью бесчисленного множества различных групп. Именно властная элита определяет, какие из этих различий, будь то индивидуальные или групповые различия, следует считать предпочтительными или неpreferchительными (или же несущественными). Именно властная элита определяет, как из бесчисленного множества возможных способов на самом деле осуществить «уравнивание», то есть то, сколько «взять» у счастливых и «дать» неудачливым для достижения равенства. В частности, именно властная элита, определяя себя как несчастную, определяет, что и в каком количестве взять у тех, кого она считает более удачливым. В итоге, какая бы процедура уравнивания не происходила, всеобщее равенство не могло бы быть достигнуто, поскольку бесчисленное количество различий и неравенств возникает вновь, и уравнивательная работа властной элиты никогда не сможет прийти к своему завершению, а должна будет продолжаться бесконечно.

Эгалитарное мировоззрение левых не только не совместимо с либертарианством, оно настолько оторвано от реальности, что приходится удивляться, как кто-то может воспринимать ее серьезно. Обыватель, конечно,

² Murray N. Rothbard, «Egalitarianism and the Elites», *Review of Austrian Economics* 8, no. 2 (1995): 45.

не верит в равенство всех людей, так как на его пути стоит здравый смысл. И я более чем уверен в том, что никто из настоящих сторонников эгалитарной доктрины на самом деле, в глубине души, не верит тому, что он заявляет. Но как же тогда мировоззрение левых могло стать господствующей идеологией нашего века?

По крайней мере, для либертарианца ответ должен быть очевиден: эгалитарная доктрина достигла такого статуса не потому, что она истинна, а потому, что она обеспечивает идеальное интеллектуальное прикрытие для стремления к тоталитарному социальному контролю со стороны правящей элиты. Поэтому правящая элита заручилась поддержкой «интеллигенции» (или «праздного класса»). Она была тем или иным образом субсидирована, взамен на распространение желаемого эгалитарного послания (которое, как она знает, является неверной, но которое чрезвычайно выгодно для нее из-за перспектив занятости). И поэтому самых восторженных сторонников эгалитарной бессмыслицы можно найти среди сторонников класса интеллектуалов.³

Учитывая, таким образом, что либертарианство и эгалитаризм, исповедуемый левыми, очевидно, несовместимы, должно быть неожиданностью — и это является свидетельством огромной идеологической мощи правящих элит и их придворных интеллектуалов — что многие из тех, кто сегодня называет себя либертарианцем, являются и и считают себя частью левого движения. Как такое возможно?

Что идеологически объединяет этих левых либертарианцев, так это их активное продвижение различных «антидискриминационных» стратегий и пропаганду политики «свободной и недискриминационной»

³ Мюррей Ротбард перечислил их: «Ученые, лидеры общественного мнения, журналисты, писатели, медиа-элиты, социальные работники, бюрократы, консультанты, психологи, консультанты по персоналу, и особенно для постоянно растущей нового группового эгалитаризма, настоящая армия «терапевтов» и тренеров по чувствительности. (Там же, стр. 51)

иммиграции.⁴

Эти либертарианцы, как заметил Ротбард,

горячо привержены идее о том, что, хотя индивиды не равны между собой, что каждая мыслимая группа, этнос, раса, пол или, в некоторых случаях, вид, фактически должны быть «равны», что каждый человек имеет «права», которые не должны подвергаться какой-либо форме «дискриминации».⁵

Но как можно примирить эту антидискриминационную позицию с частной собственностью, которую все либертарианцы считают краеугольным камнем своей философии и которая, в конце концов, означает исключительное право собственности и, следовательно, логически подразумевает правовое различие?

Обычные левые, конечно, не имеют такой проблемы. Они не думают и не заботятся о частной собственности. Поскольку все равны друг другу, мир и все, что в нем находится, принадлежит всем в одинаковой степени — вся собственность является «общей» — и все, как равные между собой совладельцы мира, имеют ко всему, конечно, равное «право доступа». Однако, при отсутствии совершенной гармонии интересов, невозможно, чтобы все имели равное количество собственности и равный доступ ко всему, не приводило к постоянному конфликту. Таким образом, чтобы избежать этого затруднительного положения, необходимо создать го-

⁴ Что касается того, кого из сегодняшних так называемых либертарианцев следует считать левым, есть лакмусовая бумажка: позиция, занятая во время недавних президентских праймериз в отношении доктора Рона Пола, который является чистейшим либертарианцем, когда-либо привлекавшим внимание и признание на национальном и даже международном уровне. Либертарианцы Белтвея из Cato, George Mason, Reason и различных других членов 'Kochtopus' отвергли Рона Пола или даже напали на него за его "расизм" и отсутствие социальной "чувствительности" и "толерантности", то есть, короче говоря, за то, что он был честным "правым буржуа", ведущим образцовую личную и профессиональную жизнь.

⁵ Rothbard, «Egalitarianism and the Elites», стр. 102.

сударство, то есть территориального монополиста, принимающего окончательные решения. То есть «общая собственность» требует наличия государства и должна являться «государственной собственностью». Именно государство, в конечном счете, определяет не только то, кому что принадлежит, но в конечном счете определяет пространственное распределение всех людей: кто и где должен жить, кому и где разрешено встречаться и иметь доступ чему-либо — что приводит к уничтожению частной собственности, ведь в конечном итоге, именно левые будут контролировать государство.

Но этот путь побега закрыт для тех, кто называет себя либертарианцем. Он должен серьезно относиться к частной собственности

Психологически или социологически, привлекательность политики дискриминации для либертарианцев может быть объяснена тем фактом, что чрезмерно большое число либертарианцев являются неудачниками или просто странными, или, используя описание Ротбарда, «гедонистами, развратниками, имморалистами, воинствующими врагами религии (...), бродягами, мошенниками, проходимцами и рэкетирами» — они те, кто увлекся либертарианством якобы из-за его «терпимости», и кто теперь хочет использовать его как средство для освобождения себя от всякой дискриминации, которой, как правило, подвергаются в повседневной жизни. Но как они могут логически совмещать эти взгляды? Левые либертарианцы, мягкотелые либертарианцы и гуманистическо-космополитические либертарианцы не обычные левые. Они знают о главном значении частной собственности. Однако, как они могут совмещать, казалось бы, логически согласованное понятие частной собственности с их поддержкой антидискриминационной политики и, в частности, с их про-

пагандой политики свободной иммиграции?

Краткий ответ заключается в том, чтобы поставить всю нынешнюю частную собственность и ее распределение между отдельными людьми под моральное подозрение. С этим утверждением левые либертарианцы впадают в ошибку, противоположную той, которую совершают правые не либертарианских взглядов. Как уже указывалось, правые, не являющиеся либертарианцами, совершают ошибку, рассматривая все (или, по крайней мере, почти все) текущие имущественные владения, включая, в частности, имущественные владения государства, как естественные и справедливые. В явной оппозиции к этим взглядам, либертарианец признает и настаивает на том, чтобы некоторые имущественные владения, а также все (или, по крайней мере, большая часть) государственной собственности является проявлением несправедливости и требуют реституции или компенсации. Левые либертарианцы, наоборот, утверждают, что не только вся или большая часть государственных владений неестественны и несправедливы (из этого умозаключения они считают себя либертарианцами), но и вся или большая часть частных владений является полученной несправедливо. И в подтверждение этого утверждения они указывают на то, что все нынешние частные владения, распределенные между различными людьми, были искажены предшествующими действиями государств и законодательствами, и что все было бы иначе, и никто не находился бы в том положении, в котором он сейчас находится, если бы не государственное вмешательство.

Без всякого сомнения, это наблюдение верно. Государство за свою долгую историю сделало одних людей богаче, а других беднее, чем они были бы в противном случае. Оно убивало одних людей и позволяло другим

выживать. Оно перемещало людей из одного места в другое. Оно способствовало развитию некоторых профессий, отраслей и регионов, и препятствовало или задерживало и изменяло развитие других. Оно наделяло одних людей привилегиями и монопольным правом, а других подвергало правовой дискриминации и ставило в невыгодное положение, и так далее. Список прошлых несправедливостей, победителей и проигравших, виновников преступлений и жертв бесконечен.

Но из этого неоспоримого факта вовсе не следует, что если все или большинство нынешних имущественных активов подозрительны с моральной точки зрения и должны быть изменены. Конечно, государственная собственность должна быть передана в частные руки, потому что она была приобретена несправедливым путем. Она должна быть возвращена ее естественным владельцам, то есть людям (или их наследникам), которые были вынуждены «финансировать» такую «общественную» собственность путем передачи части своей частной собственности государству. Однако я не буду касаться здесь этого конкретного вопроса о «приватизации».⁶ Более далеко идущее утверждение о том, что прошлые несправедливости также делают все нынешние частные владения морально подозрительными, что, безусловно, не соответствует действительности. На самом деле большинство частных владений, скорее всего, получены справедливо, независимо от их истории — за исключением тех случаев, когда конкретный истец может доказать, что это не так. Однако, бремя доказательства лежит на том, кто оспаривает нынешнее владение имуществом. Он должен доказать, что обладает более ранним правом собственности на рассматриваемое

⁶ См. по данному вопросу Hans-Hermann Hoppe, «Of Private, Common and Public Property and the Rationale for Total Privatization», *Libertarian Papers* 3, no. 1 (2011). Доступно [здесь](#).

имущество, чем его нынешний владелец. В противном случае, если истец не может доказать этого, все должно оставаться таким, как оно есть в настоящее время.

Или, чтобы быть более конкретным и реалистичным: из того факта, что Питер или Пол или их родители, как члены любой мыслимой группы людей, были убиты, депортированы, ограблены, подверглись нападению или юридической дискриминации в прошлом, и их нынешнее имущественное и социальное положение было бы иным, если бы этих актов несправедливости не произошло, не следует, что любой нынешний член этой группы имеет справедливое требование (о компенсации) против нынешней собственности кого-либо другого (ни изнутри, ни извне его группы). Скорее, Питеру или Полу пришлось бы в каждом случае доказывать, что его право является более справедливым, потому что у него есть более раннее право на какую-то определенную часть собственности, чем у нынешнего, названного и идентифицированного владельца и предполагаемого преступника. Конечно, существует значительное число ситуаций, когда это может быть сделано и когда требуется реституция или компенсация. Но так же несомненно, что из-за бремени доказательства, каждому, кто претендует на какое-либо право собственности, не стоит считать, что может быть достигнут сколько-нибудь значительный результат. Напротив, в современном Западном мире, изобилующем законами о «позитивных действиях», которые предоставляют правовые привилегии различным «защищаемым группам» за счет групп, подвергаемых дискриминации, уровень дискриминации и неравенства, таким образом, только увеличился, если бы, как того требует правосудие, каждому, кто действительно может представить доказательство подобной виктимизации, было бы позволено

подать иск о возмещении ущерба от виктимизатора.

Но левые либертарианцы и либертарианцы-космополиты известны не как «борцы» против «позитивных действий». Скорее, наоборот, они желают достичь ослабления или отказа от требования, чтобы кто-то, заявляющий о несправедливости, предоставлял индивидуальное доказательство виктимизации. Как правило, чтобы сохранить свой интеллектуальный статус либертарианцев, левые либертарианцы делают это тайно или даже неосознанно, но, фактически, отказываясь от этого фундаментального требования справедливости, они заменяют понятия о частной собственности и правами на нее, запутанными понятиями «гражданских прав» и «нарушением гражданских прав», а индивидуальное право понятием группового права и, таким образом, становятся сторонниками социализма. Учитывая, что государством было нарушено и искажено любое право на частную собственность, в случае отсутствия требования индивидуального доказательства своей виктимизации, каждая мыслимая группа легко и без особых усилий сможет заявить о том, что является пострадавшей стороной по отношению к любой другой группе.

Освобожденные от бремени индивидуального доказательства, левые либертарианцы, по существу, не имеют ограничений в «открытии» новых «жертв» и «виктимизаторов», в соответствии с их собственными эгалитарными представлениями. К их чести, они признают за государством роль нарушителя прав частной собственности (опять же, из этого следует, что они являются «либертарианцами»). Но они видят гораздо большее количество институциональных и структурных случаев несправедливости и социальных искажений, гораздо больше «жертв» и «виктимизаторов», и гораздо большую необходимость в реституции, компенсации и

распределении собственности в современном мире, нежели только те случаи несправедливости, которые вызваны и совершены государством и которые могут быть устранены и исправлены путем сокращения и демонтажа государства и приватизации всех государственных активов. Даже если бы государство было демонтировано, они полагают, что из-за его длительного периода существования, вызванные им институциональные искажения будут сохранены и что они требуют исправления для создания справедливого общества.

В этом отношении взгляды левых либертарианцев не совпадают полностью, но обычно они мало отличаются от взглядов культурных марксистов. Они считают «естественным», не смотря на или даже вопреки неопровержимыми доказательствами обратного, состояние «плоского» и «горизонтального» общества «равных», то есть практически универсального и однородного, каждый представитель которого обладает примерно одинаковым количеством талантов и имеет более или менее схожий социально-экономический статус и положение, а все систематические отклонения от этой модели являются результатом дискриминации о основанием для той или иной формы реституции. Соответственно, иерархическая структура традиционных семей, половые роли и разделение труда между мужчинами и женщинами рассматриваются ими как нечто неестественное. Таким образом, все виды социальной иерархии, все отношения между руководителями, главами кланов, покровителей, дворян, аристократов и королей, епископов и кардиналов, «боссами» вообще и их подчиненными считаются подозрительными. Точно так же все большие или «чрезмерные» различия в доходах и богатстве — так называемой «экономической власти», — и существование низшего и высшего классов людей

считаются неестественными. Кроме того, существование крупных промышленных и финансовых корпораций и конгломератов считается неестественным. Также подозрительным, противоестественным и нуждающимся в исправлении является любые союзы, сообщества, конгрегации, церкви и клубы, а также всякая территориальная сегрегация и разделение, вне зависимости от того, основаны ли они на классе, поле, расе, этнической принадлежности, происхождении, языке, религии, профессии, интересах, обычаях или традициях.

Придерживаясь такой точки зрения, легко идентифицировать группы «жертв» и их «виктимизаторов». Как выясняется, «жертвы» составляют подавляющее большинство человечества. Любая возможная группа является «жертвой», за исключением небольшой части человечества, состоящей из белых (в том числе из Северной Азии) гетеросексуальных мужчин, живущих традиционной буржуазной семейной жизнью. Они, и особенно самые творческие и успешные из них (за исключением, что интересно, богатых спортсменов и знаменитостей), являются «виктимизаторами» всех остальных.

В то время как такой взгляд на историю человечества кажется странным в свете удивительных цивилизационных достижений, являющихся результатом именно этой группы меньшинств, он почти полностью совпадает с виктимологией, также распространяемой культурными марксистами. Обе группы расходятся лишь во мнениях относительно причины этого подлежащего осуждению «структурному состоянию виктимизации». Для культурных марксистов причиной такого положения вещей является частная собственность и необузданный капитализм, основанный на правах частной собственности. Для них ответ на вопрос о том, как возместить нанесенный ущерб, понятен и прост.

Все необходимые компенсации и виды перераспределения должны быть осуществлены государством, которое предположительно будет подконтрольно им.

Для левых либертарианцев такой ответ не может работать. Предполагается, что они будут выступать за частную собственность и приватизацию государственных активов. Они не могут заставить государство осуществить реституцию, поскольку, как либертарианцы, они должны демонтировать и, в конечном итоге, упразднить государство. Однако они хотят большей компенсации, нежели та, что обусловлена приватизацией государственной собственности. Им недостаточно упразднения государства для создания справедливого общества. Им необходимы дополнительные расходы для компенсации в пользу только что упомянутого подавляющего большинства «жертв».

Но что именно? И на каком основании? Каждый раз, когда есть индивидуальные доказательства виктимизации, то есть, если какой-либо человек может продемонстрировать, что другой человек В вторгся или захватил имущество А, или наоборот, никаких проблем не возникает. В таком случае дело представляется ясным. Но при отсутствии таких доказательств, чем именно и на каком основании «виктимизаторы» обязаны своим «жертвам»? Как определить, кто кому сколько и чего должен? И как осуществить эту схему реституции в отсутствие государства, не поправ при этом чужие права частной собственности? Это является центральной интеллектуальной проблемой для любого, кто считает себя левым либертарианцем.

Неудивительно, что их ответ на эту задачу является уклончивым и размытым. Из всего, что я могу собрать, это составляет чуть больше призыва. Как резюмировал проницательный наблюдатель интеллектуальной сце-

ны: «Будьте любезны!». Точнее: Вы и ваша небольшая группа «виктимизаторов» всегда должны быть особенно «любезны» и всепрощающими по отношению ко всем членам подавляющего большинства «жертв», то есть ко всякому, кто не является белым гетеросексуальным мужчиной. Что касается соблюдения этого правила: все «виктимизаторы», не демонстрирующие должного уважения к какому-либо представителю класса «жертв», то есть тех, кого называют «недоброжелательными», не всепрощающими, обладающими привилегиями, или которые говорят «недоброжелательные» или неуважительные вещи, должны быть публично унижены и посрамлены в целях повиновения.

На первый взгляд, такое предложение о реституции, — как и следовало ожидать от «любезных» людей — может показаться безобидным и просто «любезным». На самом деле, однако, это не «любезное» и не безобидное предложение. Оно ошибочно и опасно.

Во-первых: почему кто-то должен быть особенно любезен к кому-либо другому — помимо соблюдения соответствующих прав частной собственности во вполне определенном значении? Быть любезным — значит совершать целенаправленное действие, которое требует усилий, как и любое действие. Это требует определенных затрат. Эти усилия можно приложить для достижения иных эффектов. Действительно, многие, если не большинство наших действий совершаются нами наедине и не подразумевают прямого взаимодействия с другими, как когда мы готовим еду, управляем автомобилем или читаем и пишем. Время, потраченное на «любезное» отношение к другим, — время, которое могло быть потрачено на другие, возможно, более ценные вещи. Кроме того, любезность должна быть гарантирована. Почему я должен быть любезен с людьми, кото-

рые противным мне? Хорошее отношение должно быть заслужено. Неразборчивая доброжелательность уменьшаем и, в конечном итоге, уничтожает различие между достойным и порочным поведением. Слишком много любезности будет предоставлено недостойным людям и слишком мало — достойным, в результате чего общий уровень озлобленности будет расти, а общественная жизнь будет становиться все более неприятной.

Более того, есть и по-настоящему злые люди, покушающиеся на права частной собственности, и прежде всего это правящая элита, контролирующая государственный аппарат, что может признать любой либертарианец. Конечно, никто не обязан быть с ними любезным! И все же, вознаграждая подавляющее большинство «жертв» дополнительной любовью, заботой и вниманием, результатом становится то, что все меньше времени и усилий посвящается выражению неприязни по отношению к тем, кто этого действительно заслуживает. Таким образом, власть государства будет не ослаблена, но лишь усилена за счет всеобщей «любезности».

И почему именно незначительное меньшинство белых гетеросексуальных мужчин, в особенности его наиболее успешные члены, обязаны проявлять любезность по отношению к подавляющему большинству других людей? Почему не должно быть наоборот? В конце концов, большинство, если не все технические изобретения, машины, инструменты и гаджеты, повсеместно используемые в настоящее время, и от которых в значительной степени зависят наши текущие жизненные стандарты и удобства, обязаны своим происхождением именно им. Все остальные люди, по большому счету, лишь подражали тому, что было ими создано и изобретено. Все остальные унаследовали знания, воплощенные в этих изобретениях абсолютно бесплатно.

И разве не типичная белая традиционная семья, состоящая из отца, матери и их общих детей, которые станут их наследниками, не их «буржуазное» поведение и образ жизни — то есть все, что подвергается очернению со стороны левых, — является экономически наиболее успешной моделью социальной организации, которую когда-либо видел мир, с наиболее высоким средним уровнем жизни и количеством накопленных капитальных благ? И разве не только благодаря великим экономическим достижениям этого меньшинства «виктимизаторов» неуклонно растущее число «жертв» может интегрироваться и принимать участие в преимуществах международного разделения труда? И разве не только из-за успеха традиционной белой и буржуазной семейной модели, так называемые «альтернативные образы жизни» смогли возникнуть сохраниться с течением времени? Разве большинство сегодняшних «жертв» не обязаны в буквальном смысле своей жизнью и своим нынешним существованием достижениям их предполагаемых «виктимизаторов»?

Почему «жертвы» не проявляют особого уважения к своим «виктимизаторам»? Почему бы не удостоить чести экономические достижения и успех, а не неудачи, и почему бы не удостоить похвалы традиционный, «привычный» образ жизни и поведение, а не любую аномальную альтернативу, которая в качестве необходимого условия своего существования требует, чтобы ему предшествовало доминирование окружающего общества «обыкновенных» людей с «обычным» образом жизни?

Скоро я перейду к очевидному ответу на эти риторические вопросы. Однако прежде необходимо кратко рассмотреть вторую — стратегическую — ошибку лево-либертарианского предложения об особой любезно-

сти по отношению к «жертвам истории».

Интересно, что группы «жертв», идентифицируемые как левыми либертарианцами, так и культурными марксистами, мало чем отличаются от групп, которые считаются «обездоленными» и нуждающимися в компенсации с помощью государства. Хотя это не является проблемой для культурных марксистов, так как может быть истолковано как показатель степени контроля, который они получили над государственным аппаратом, для левых либертарианцев это совпадение должно стать поводом для интеллектуального беспокойства. Почему государство преследует ту же цель «недискриминации» «жертв» со стороны «виктимизаторов», пусть и желает достичь результата с помощью других методов? Левые либертарианцы обычно не обращают внимания на этот вопрос. И все же, для любого, обладающего хотя бы крупицей здравого смысла, ответ должен быть очевиден.

Для достижения полного контроля над каждым индивидуумом, государство должно проводить политику «разделяй и властвуй». Она должна ослабить, подорвать и в конечном счете уничтожить все другие, соперничающие с ней центры социальной власти. Самое главное, она должна ослабить традиционную патриархальную семью, в особенности это касается богатых и независимых хозяйств как автономных центров принятия решений путем законодательного регулирования конфликтов между женами и мужьями, детьми и родителями, женщинами и мужчинами, богатыми и бедными. Кроме того, все иерархические порядки и ранги социального авторитета, все сообщества и межличностные отношения между ними — будь то принадлежность к семье, общине, этносу, племени, нации, расе, языку, религии, обычаям или традициям — за исключе-

нием привязанности к данному государству как гражданину и владельцу паспорта, должна быть ослаблена и в конечном итоге уничтожена.

И что может быть лучше, чтобы сделать это, нежели как принять антидискриминационные законы.

Фактически, запретив любую дискриминацию по признаку пола, сексуальной ориентации, возраста, расы, религии, национального происхождения и т.д., огромное количество людей провозглашаются «жертвами» на государственном уровне. Антидискриминационные законы, таким образом, являются официальным призывом ко всем «жертвам», чтобы они придирались и жаловались государству о своих «виктимизаторах», особенно наиболее богатых среди них, и их «деспотичных» проискков, таких как: «сексизм», «гомофобия», «шовинизм», «нативизм», «расизм», «ксенофобия» или каких-нибудь других, и чтобы государство отвечало на такие жалобы, уменьшая число «угнетателей», то есть последовательно лишая их собственности и власти и, соответственно, расширяя и укрепляя свою собственную монополистическую власть по отношению ко все более ослабленному, фрагментированному и неоднородному обществу.

Таким образом, по иронии судьбы, вопреки своей самопровозглашенной цели сокращения или даже ликвидации государства, левые либертарианцы с их своеобразной, эгалитарной виктимологией становятся соучастниками государства и эффективно способствуют усилению его власти. Действительно, лево-либертарианское видение свободного от дискриминации поликультурного общества – это, по выражению Питера Бримелоу (Peter Brimelow), афродизиак для государства.

Что подводит нас к моей последней теме.

Роль левого либертарианства как афродизиака для государства становится еще более очевидной, когда мы

рассматриваем их позицию по все более опасному вопросу о миграции. Левые либертарианцы, как правило, ярые сторонники политики «свободной и недискриминационной» иммиграции. Если они критикуют иммиграционную политику государства, то не за то, что ее ограничения на въезд являются неправильными, то есть что оно служит не для защиты прав собственности граждан, а за то, что оно вообще налагает какие-либо ограничения на иммиграцию.

Но на каком основании должно существовать право на неограниченную иммиграцию? Никто не имеет права приезжать на место, уже занятое кем-то другим, если только он не был приглашен текущим жильцом. И если все места уже заняты, то вся миграция является миграцией только по приглашению. Право на «свободную» иммиграцию существует только для нетронутой страны, границы которой открыты.

Есть только два способа обойти этот вывод и все же спасти понятие «свободной» иммиграции. Первый – поставить под моральное сомнение права всех текущих жильцов. С этой целью многое выводится из того факта, что все нынешние занятые места были подвержены влиянию действий государства, войнами и завоеваниями. Действительно, государственные границы неоднократно перерисовывались, люди подвергались вытеснению, переселению, депортации и убийству, а финансируемые государством инфраструктурные объекты (дороги, общественный транспорт и прочее) повлияли на стоимость и относительную цену почти всех мест, а также изменили расстояние и стоимость перемещения между ними. Однако, как уже объяснялось в несколько ином контексте, из этого неоспоримого факта не следует, что любой ныне живущий имеет основания для миграции в любое другое место (за исключением,

конечно, когда он владеет этим местом или имеет разрешение нынешнего владельца). Мир не принадлежит каждому.

Второй возможный выход состоит в том, чтобы утверждать, что вся так называемая общественная собственность — собственность, контролируемая местным, региональным или центральным правительством — сродни открытой границе со свободным и неограниченным доступом. Однако это, безусловно, ошибочно. Из того факта, что государственная собственность незаконна, поскольку она основана на предшествующих экспроприациях, не следует, что она не принадлежит никому и должна быть доступна для всех. Она финансируется за счет местных, региональных, национальных или федеральных налогов, и именно плательщики этих налогов, а не кто-либо другой, являются законными владельцами всей общественной собственности. Они не могут реализовать свое право — это право было присвоено государством, — но они являются законными владельцами.

В мире, где все находится в частной собственности, проблема иммиграции исчезнет. Не будет существовать никакого права на иммиграцию. Останется только право на торговлю, покупку или аренду различных мест. Но как быть с иммиграцией в реальном мире, где государственная собственность управляется местными, региональными или центральными правительствами штатов?

Во-первых, какой была бы иммиграционная политика, если бы государство, как предполагается, выступало бы в качестве доверительного управляющего публичной собственностью владельцев-налогоплательщиков? А как насчет иммиграции, если государство действует как управляющий общественной собственностью, со-

вместно принадлежащей и финансируемой членами жилищного союза или закрытого сообщества?

По крайней мере, в принципе ответ ясен. Руководящим принципом попечителя в отношении иммиграции будет принцип «полной оплаты». То есть иммигрант или приглашающий его резидент должен оплатить полную стоимость использования иммигрантом всех общественных благ или объектов во время его присутствия. Стоимость общественной собственности, финансируемой налогоплательщиками-резидентами, не должна расти, а ее качество не должно падать из-за присутствия иммигрантов. Напротив, если возможно, присутствие иммигранта должно приносить владельцам-резидентам прибыль либо в виде более низких налогов или коммунальных сборов, либо в виде более высокого качества общественной собственности (и, следовательно, в целом более высокой стоимости собственности).

Применение принципа «полной оплаты» в деталях зависит от исторических обстоятельств, то есть, в частности, от иммиграционного давления. Если давление невелико, то первоначальный въезд на дороги общего пользования может быть полностью ограничен «иностранцами», и все расходы, связанные с иммигрантами, полностью покрываются местными жителями в расчете на получение внутренних прибылей. Вся дальнейшая дискриминация будет оставлена на усмотрение индивидуальных владельцев-резидентов. (это, кстати, в значительной степени то положение дел, которое существовало в западном мире до Первой мировой войны.) Но даже в таком случае, подобная щедрость, скорее всего, не должна распространяться на использование иммигрантами государственных больниц, школ, университетов, жилья, бассейнов, парков и т.д. Доступ в такие учреждения не будет «бесплатным» для иммигрантов.

Напротив, с иммигрантов будет взиматься более высокая плата за их использование, чем с местных владельцев-резидентов, которые финансировали эти объекты, затем, чтобы снизить внутреннее налоговое бремя. И если временный приезжий-иммигрант хочет стать постоянным жителем, от него можно будет ожидать, что он заплатит вступительный взнос, который будет перечислен нынешним владельцам в качестве компенсации за дополнительное использование их общественной собственности.

С другой стороны, если иммиграционное давление будет высоким — как в настоящее время во всем Западном, белом, гетеросексуальном мире, где доминируют мужчины, — возможно, придется применить более ограничительные меры для той же цели защиты частной и общественной собственности местных владельцев-резидентов. Контроль за удостоверением личности может осуществляться не только в портах въезда, но и на местном уровне, чтобы не пропускать преступников и других нежелательных элементов. И помимо конкретных ограничений, налагаемых на посетителей отдельными владельцами-резидентами в отношении использования их частной собственности, могут существовать и более общие местные ограничения на въезд. Некоторые особенно привлекательные сообщества могут взимать вступительный взнос за каждого посетителя (за исключением приглашенных резидентов), который должен быть передан резидентам-владельцам, или требовать определенного кодекса поведения в отношении всей общественной собственности. А требования постоянного владения собственностью и проживания для некоторых общин могут быть весьма ограничительными и включать интенсивный отбор и высокую цену за вход, как это все еще имеет место сегодня в некоторых

швейцарских общинах.

Конечно, это не то, что делает государство. Иммиграционная политика государств, столкнувшихся с наибольшим иммиграционным давлением, США и Западной Европы, имеет мало общего с действиями доверительного управляющего. Они не следуют принципу «полной оплаты». Они не говорят иммигранту: «Заплати или уходи». Напротив, они говорят ему: «Попав сюда, вы можете остановиться и пользоваться не только всеми дорогами, но и всеми видами общественных объектов и услуг бесплатно или по сниженным ценам, даже если вы не платите». То есть они субсидируют иммигрантов — или, скорее, заставляют местных налогоплательщиков субсидировать их. В частности, они также субсидируют отечественных работодателей, которые импортируют более дешевую иностранную рабочую силу. Потому что такие работодатели могут экстернализировать часть общих расходов, связанных с их занятостью — бесплатное использование его иностранными работниками всего государственного имущества и объектов резидентов — на остальных налогоплательщиков. И они еще больше субсидируют иммиграцию (внутреннюю миграцию) за счет налогоплательщиков-резидентов, запрещая — посредством законов о недискриминации — не только все внутренние, местные ограничения на въезд, но и на все большее число ограничений, касающихся въезда и использования всей национальной частной собственности.

А что касается первоначального въезда иммигрантов, будь то в качестве приезжих или резидентов, то государства проводят дискриминацию не по индивидуальным признакам (как это сделал бы попечитель и каждый собственник в отношении своей частной собственности), а по группам или классам людей, то есть

они не применяют единого стандарта приема: проверки личности иммигранта, проведения какой-то проверки его кредитоспособности и, возможно, взимания с него вступительного взноса. Вместо этого они допускают некоторые классы иностранцев бесплатно, без каких-либо визовых требований, как если бы они были возвращающимися резидентами. Так, например, все румыны и болгары, независимо от их индивидуальных особенностей, могут свободно мигрировать в Германию или Нидерланды и оставаться там, пользуясь всеми общественными благами и удобствами, даже если они не платят и живут за счет немецких или голландских налогоплательщиков. Аналогично для пуэрториканцев по отношению к США и американским налогоплательщикам, а также для мексиканцев, которым фактически разрешен въезд в США нелегально, как незванным и неопознанным нарушителям границы. С другой стороны, другие категории иностранцев подвергаются кропотливым визовым ограничениям. Так, например, все турки, опять же независимо от их индивидуальных особенностей, должны пройти устрашающую визовую процедуру и могут быть полностью лишены возможности выезда в Германию или Нидерланды, даже если они приглашены и располагают достаточными средствами для оплаты всех расходов, связанных с их присутствием.

Таким образом, налогоплательщикам-резидентам наносится двойной ущерб: с одной стороны, когда государство без разбора включает некоторые классы иммигрантов, даже если они не могут платить, а с другой стороны, когда оно без разбора исключает другие классы иммигрантов, даже если они являются платежеспособными.

Однако левые либертарианцы не критикуют такую иммиграционную политику как противоречащую по-

литике доверительного управляющего государственной собственностью, в конечном счете принадлежащей частным налогоплательщикам-собственникам страны, то есть за неприменение принципа «полной оплаты» и, следовательно, ошибочную дискриминацию, но за дискриминацию вообще. Свободная, недискриминационная иммиграция для них означает, что безвизовый въезд и постоянное проживание будут доступны всем, то есть каждому потенциальному иммигранту на равных условиях, независимо от индивидуальных особенностей или способности оплатить полную стоимость своего пребывания. Всем желающим предлагается оставаться в Германии, Нидерландах, Швейцарии или США, например, и бесплатно пользоваться всеми местными общественными удобствами и услугами.

К их чести, левые либертарианцы признают некоторые последствия этой политики в современном мире. В отсутствие каких-либо других внутренних или местных ограничений на въезд, касающихся использования национальной общественной собственности и услуг, а также все более полного отсутствия всех ограничений на въезд, касающихся использования национальной частной собственности (из-за бесчисленных антидискриминационных законов), предсказуемым результатом стал бы массовый приток иммигрантов из третьего и второго мира в США и Западную Европу и быстрый крах нынешней внутренней системы «общественного благосостояния». Налоги должны были бы быть резко увеличены (что еще больше сократит производительную экономику), а государственная собственность и услуги бы резко ухудшились. Результатом такой политики стал бы финансовый кризис беспрецедентных масштабов.

Но почему это должно быть желанной целью для

любого, кто называет себя либертарианцем? Действительно, финансируемая налогами система общественного благосостояния должна быть ликвидирована, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Но неизбежный кризис, который вызвала бы «свободная» иммиграционная политика, не приводит к такому результату. Напротив: кризисы, как известно каждому, кто смутно знаком с историей, обычно используются и часто целенаправленно фабрикуются государствами для дальнейшего увеличения их собственной мощи. И, конечно, кризис, вызванный «свободной» иммиграционной политикой, будет чрезвычайным.

То, что левые либертарианцы обычно игнорируют из-за собственной беспечности или даже с симпатией относятся к этому, — так это тот факт, что иммигранты, которые вызвали крах, все еще физически присутствуют, когда он происходит. Для левых либертарианцев, в силу их эгалитарных предубеждений, этот факт не представляет проблемы. Для них все люди более или менее равны, и поэтому увеличение числа иммигрантов оказывает не большее влияние, чем увеличение численности местного населения за счет более высокого уровня рождаемости. Однако для каждого здравомыслящего человека, реально оценивающего положение дел, эта посылка заведомо ложна и потенциально опасна. Миллион нигерийцев или арабов, живущих в Германии, или миллион мексиканцев, хуту или тутси, живущих в США, — это совсем не то же самое, что миллион местных немцев или американцев. С миллионами иммигрантов из стран третьего и второго мира, которые будут присутствовать, когда кризис разразится и зарплаты перестанут поступать, крайне маловероятно, что мирный исход приведет к возникновению естественного, основанного на частной собственности социального порядка. Ско-

рее, гораздо более вероятно и даже почти наверняка, что вместо этого вспыхнут гражданская война, грабежи, вандализм и межплеменная или этническая война банд — и призыв к сильному государству станет все более недвусмысленным.

Почему же тогда, спрашивается, государство не принимает лево-либертарианскую «свободную» иммиграционную политику и не пользуется возможностью, которую предоставляет предсказуемый кризис, для дальнейшего укрепления своей собственной власти? Благодаря своей внутренней политике недискриминации, а также своей нынешней иммиграционной политике, государство уже сделало многое для того, чтобы раздробить население и таким образом увеличить свою собственную власть. Политика «свободной иммиграции» стала бы еще одной огромной дозой недискриминационного «мультикультурализма». Это еще больше усилило бы тенденцию к социальной неоднородности, разделению и фрагментации, и это еще больше ослабило бы традиционный, белый, гетеросексуальный мужской доминирующий «буржуазный» социальный порядок и культуру, связанную с «Западом».

Ответ на вопрос: «почему бы и нет?», однако, представляется очевидным. В отличие от левых либертарианцев, правящие элиты все еще достаточно реалистичны, чтобы признать, что помимо больших возможностей для роста государства, предсказуемый кризис также повлечет за собой невычислимые риски и может привести к социальным потрясениям таких масштабов, что они сами могут быть вытеснены из власти и заменены другими, «иностранными» элитами. Соответственно, правящие элиты лишь постепенно, шаг за шагом продвигаются по пути «недискриминационного мультикультурализма». И все же они довольны лево-ли-

бертарианской пропагандой «свободной иммиграции», потому что она помогает государству не просто оставаться на своем нынешнем курсе «разделяй и властвуй», но и продвигаться по нему ускоренными темпами.

Таким образом, вопреки их собственным антиэтистским заявлениям и претензиям, своеобразная лево-либертарианская виктимология и ее требование всеобщей любезности и инклюзивности по отношению к длинному, хорошо знакомому списку исторических «жертв», включая, в частности, и всех иностранцев как потенциальных иммигрантов, на самом деле оказывается рецептом для дальнейшего роста государственной власти. Культурные марксисты знают это, и именно поэтому они приняли ту же самую виктимологию. Левые либертарианцы, по-видимому, не знают этого и поэтому являются полезными идиотами культурных марксистов на их пути к тоталитарному социальному контролю.

Позвольте мне сделать вывод и вернуться к теме левых и правых либертарианцев — и, таким образом, наконец, к ответу на мои предыдущие риторические вопросы, касающиеся специфической виктимологии левых и ее значения.

Вы не можете быть последовательным левым либертарианцем, потому что лево-либертарианская доктрина, пусть и непреднамеренно, продвигает этистские, то есть нелибертарианские идеи. Из-за этого многие либертарианцы сделали вывод, что либертарианство не является ни левым, ни правым. Что это просто либертарианство. Я не согласен с этим выводом. Как, по-видимому, и Мюррей Ротбард, когда он закончил первоначально представленную цитату, сказав: «но психологически, социологически и на практике это просто не работает таким образом». Действительно, я

считаю себя правым либертарианцем или, если это может звучать более привлекательно, реалистичным или здравомыслящим либертарианцем — будучи при этом последовательным.

Действительно, либертарианская доктрина является чисто априорной и дедуктивной теорией и как таковая ничего не говорит и не подразумевает о конкурирующих притязаниях правых и левых относительно существования, масштабов и причин человеческого неравенства. Это эмпирический вопрос. Но в этом вопросе левые оказываются в значительной степени нереалистичны, неверны и лишены всякого здравого смысла, тогда как правые реалистичны и по существу правильны и разумны. Следовательно, нет ничего плохого в том, чтобы применить правильную априористическую теорию о том, как возможно мирное человеческое сотрудничество, к реалистическому, то есть правой форме либертарианства. Ибо только на основе правильных эмпирических допущений о человеке можно прийти к правильной оценке практической реализации и устойчивости либертарианского социального порядка.

Таким образом, человек, придерживающийся правого либертарианства, не только признает, что физические и умственные способности неравномерно распределены между различными индивидами внутри каждого общества и что, соответственно, каждое общество будет характеризоваться бесчисленным неравенством, социальной стратификацией и множеством ранговых систем достижений и власти. Он также признает, что такие способности неравномерно распределены между многими различными обществами, сосуществующими на земном шаре, и что, следовательно, мир в целом будет характеризоваться региональным и местным видами неравенства, диспропорциями, стратификаци-

ей и ранговыми порядками. Что касается индивидов, то не все они равны друг другу. Он замечает далее, что среди этих неравномерно распределенных способностей, как внутри любого данного общества, так и между различными обществами, имеется умственная способность распознавать потребности и выгоды мирного сотрудничества. И он замечает, что поведение различных государств и их соответствующих властных элит, возникших в различных обществах, может служить хорошим индикатором различных степеней отклонения от признания либертарианских принципов в таких обществах.

Если быть более конкретным, то он реалистично замечает, что либертарианство, как интеллектуальная система, было впервые развито и далее всего разработано в западном мире белыми мужчинами, в обществах, где доминировали белые мужчины. Именно в обществах белых гетеросексуальных мужчин преобладает приверженность либертарианским принципам, а отклонения от них наименее серьезны (о чем свидетельствует сравнительно менее вымогательская государственная политика). Что именно белые гетеросексуальные мужчины продемонстрировали наибольшую изобретательность, трудолюбие и экономическую доблесть. И что именно общества, в которых доминируют белые гетеросексуальные мужчины, и в частности наиболее успешные из них, произвели и накопили наибольшее количество капитальных благ и достигли самого высокого среднего уровня жизни.

В свете этого, как правый либертарианец, я бы, конечно, прежде всего сказал своим детям и студентам: всегда уважайте и не нарушайте чужие права частной собственности, признайте государство врагом и даже самым антиподом частной собственности. Но я бы на этом

не остановился. Я бы не сказал (или молчаливо подразумевал), что как только вы выполнили это требование, «сойдет все, что угодно». Именно это, по-видимому, и говорят нейтральные либертарианцы! Я не был бы культурным релятивистом, как большинство нейтральных либертарианцев, по крайней мере не беспрекословно. Вместо этого я бы (как минимум) добавил: будьте и делайте все, что делает вас счастливыми, но всегда имейте в виду, что до тех пор, пока вы являетесь неотъемлемой частью международного разделения труда, ваше существование и благополучие решительным образом зависят от продолжения существования других, и особенно от продолжения существования белых гетеросексуальных мужских сообществ, их патриархальных семейных структур, их буржуазного или аристократического образа жизни и поведения. Поэтому, даже если вы не хотите принимать в этом никакого участия, признайте, что вы, тем не менее, являетесь выгодополучателем этой стандартной «западной» модели социальной организации и, следовательно, ради вашего собственного блага, не делайте ничего, чтобы подорвать ее, а вместо этого поддерживайте ее как нечто, заслуживающее уважения и защиты.

А длинному списку «жертв» я бы сказал: делайте свое дело, живите своей жизнью, пока вы делаете это мирно и не нарушаете права частной собственности других людей. Если и в той мере, в какой вы интегрированы в международное разделение труда, вы никому не должны реституции, никто не должен и вам никакой реституции. Ваше сосуществование с предполагаемыми «виктимизаторами» взаимовыгодно. Но имейте в виду, что в то время как «виктимизаторы» могли бы жить и обходиться без вас, пусть и с сохранением более низкого уровня жизни, обратное неверно. Исчезнове-

ние «виктимизаторов» поставит под угрозу само ваше существование. Поэтому, даже если вы не хотите избирать для себя в качестве эталонной модели поведения культуру белых мужчин, имейте в виду, что только благодаря постоянному существованию этой модели, возможно существование альтернативных культур на их нынешнем уровне жизни, и что с исчезновением этой «западной» модели как глобальной и ведущей культуры, существование многих, если не всех ваших собратьев «жертв» окажется под угрозой.

Это не значит, что вы должны быть не критичны к «западному» миру, в котором доминируют белые мужчины. В конце концов, даже в этих обществах, наиболее полно следующих этой модели, также есть свои различные государства, которые несут ответственность за предосудительные акты агрессии не только против своих собственных владельцев частной и общественной собственности, но и против иностранцев. Но ни там, где вы живете, ни где-либо еще не следует путать государство с «обществом». Это не «западное» государство, а «традиционный» (нормальный, стандартный и т.д.) образ жизни и поведение людей, уже подвергающихся все более серьезным нападкам со стороны их «собственных» государственных правителей из-за их стремление к тоталитарному социальному контролю, заслуживает вашего уважения, чьим выгодополучателем вы являетесь.

О демократии, децивизации и поисках новой контркультуры

Поскольку каждое действие требует применения определенных физических средств — тела, места, внешних объектов, — конфликт между различными субъектами должен возникать всякий раз, когда два субъекта пытаются использовать одни и те же физические средства для достижения различных целей. Источник конфликта всегда и неизменно один и тот же: нехватка или соперничество физических средств. Два действующих лица не могут одновременно использовать одни и те же физические средства — одни и те же тела, пространства и объекты — для различных целей. Если они попытаются это сделать, то столкнутся друг с другом. Поэтому для того, чтобы избежать конфликта или разрешить его, если таковой возникает, требуется действенный принцип и критерий справедливости или права, то есть принцип, регулирующий справедливое, законное или «надлежащее» против несправедливого, незаконного или «неправильного» использования и контроля (владения) дефицитных физическим средств.

Логически ясно, что требуется для того, чтобы избежать всякого конфликта: необходимо только, чтобы каждое благо всегда и во все времена находилось в част-

ной собственности, то есть контролировалось исключительно каким-то определенным индивидом (товариществом или ассоциацией), и чтобы всегда было известно, кому принадлежит то или иное благо. Планы и цели различных акторов-предпринимателей, стремящихся к получению прибыли, могут в таком случае быть настолько различными, насколько это возможно, и конфликты не будут возникать, пока их соответствующие действия связаны исключительно с использованием их собственной частной собственности.

Но как такое положение дел — полная и недвусмысленно ясная приватизация всех благ — может быть осуществлено на практике? Как физические вещи могут стать чьей-либо частной собственностью; и как можно избежать конфликта в первоначальных актах приватизации?

Единственное — праксеологическое — решение этой проблемы существует и, по существу, известно человечеству с самого его зарождения, даже если оно лишь медленно и постепенно разрабатывалось и логически сформировывалось. Чтобы избежать конфликта с самого начала, необходимо, чтобы частная собственность основывалась на актах первоначального присвоения. Собственность должна быть установлена посредством действий (а не только слов, постановлений или деклараций), потому что только через действия, происходящие во времени и пространстве, может быть установлена объективная — интерсубъективно устанавливаемая — связь между конкретным человеком и конкретной вещью. И только первый, кто присваивает ранее не присвоенную вещь, может приобрести ее как свою собственность без конфликта. Ибо, по определению, как первый владелец, он не мог вступать в конфликт с кем-либо в вопросе присвоения рассматриваемого блага, поскольку

ку все остальные появились на сцене позже него.

Это подразумевает, что в то время как каждый человек является исключительным владельцем своего собственного физического тела как своего основного средства действия, ни один человек никогда не может быть владельцем тела любого другого человека. Ибо мы можем использовать тело другого человека только косвенно, то есть, в первую очередь, используя наше непосредственно присвоенное и контролируемое собственное тело. Таким образом, прямое присвоение временно и логически предшествует косвенному присвоению; и соответственно, любое несогласованное использование тела другого человека является несправедливым присвоением чего-то, уже непосредственно присвоенного кем-то другим.

Вся справедливая (законная) собственность, таким образом, возвращается напрямую или косвенно, через цепь взаимовыгодных — и, следовательно, бесконфликтных — передач права собственности, к предшествующим и, в конечном счете, первоначальным присваивателям и актам присвоения. С учетом сказанного, все притязания на использование вещей, совершаемые лицом, которое не присвоило первым, ранее не произвело или не приобрело вещи через бесконфликтный обмен от какого-либо предыдущего владельца, являются несправедливыми (незаконными).

Отмечу, что я считаю эти элементарные положения неопровержимыми и, следовательно, истинными априори. Если вы хотите жить в мире с другими людьми — и вы демонстрируете, что хотите этого, вступая с ними в спор — тогда существует только одно решение: вы должны иметь частную (исключительную) собственность на все дефицитные вещи, пригодные в качестве средств (или товаров) для достижения человеческих целей (це-

лей); а частная собственность на такие вещи должна быть основана на актах первоначального присвоения — в рамках возможности определения собственника дефицитных ресурсов — или же на добровольной передаче такой собственности от предшествующего к последующему владельцу.

Таким образом, мы можем сказать, что эти правила выражают «естественный закон». «Естественный», учитывая уникальную человеческую цель мирного взаимодействия; и «естественный», потому что эти законы «даны» и открыты как таковые человеком. То есть, они решительно не являются законами, которые выдуманы, изобретены или предписаны. На самом деле, все созданные человеком (а не открытые или найденные) законы, то есть все законодательство, вовсе не закон, а извращение закона: приказы, команды или предписания, которые ведут не к миру, а к конфликту и, следовательно, не соответствуют самому назначению законов.

Это не означает, что с открытием принципов естественного права все проблемы социального порядка будут решены и все трения исчезнут. Конфликты могут и будут возникать, даже если каждый знает, как их избежать. И, следовательно, в каждом случае конфликта между двумя или более противоборствующими сторонами должен применяться закон — и для этого требуется правовое знание, а также суждение и вынесение решения (в отличие от правового постановления). Могут возникнуть споры о том, неправильно ли вы или я применяли принципы в конкретных случаях, касающихся конкретных средств. Могут возникнуть разногласия относительно «истинных» фактов дела: кто, где и когда был и кто завладел тем или иным в такое-то время и в таком-то месте? Это может быть утомительным и отнимать много времени, чтобы установить и отсортиро-

вать эти факты. Различные предшествующие и последующие споры должны быть разобраны. Контракты, возможно, придется тщательно изучить. Могут возникнуть трудности в применении принципов к подземным ресурсам, воде и воздуху. Кроме того, всегда встает вопрос о «соответствии» наказания преступлению, то есть о нахождении соответствующей меры возмещения или возмездия, которую потерпевший должен своей жертве, а затем о приведении в исполнение приговоров закона.

Однако, как бы ни были порой трудны эти проблемы, руководящие принципы, которым следует руководствоваться в поисках решения, всегда ясны и бесспорны.

В каждом случае конфликта, переданном в суд в поисках решения, презумпция всегда выступает в пользу нынешнего владельца рассматриваемого ресурса, а бремя «доказательства обратного» всегда лежит на противнике текущего положения дел и текущих владений. Противник должен продемонстрировать, что он, вопреки внешнему виду *prima facie*, имеет право на какое-то конкретное благо, которое старше, нежели требование нынешнего владельца. Если, и только если противник может успешно продемонстрировать это, подлежащее вопросу владение должно быть возвращено ему как его собственность. С другой стороны, если противник не может доказать свою правоту, то владение не только остается собственностью его нынешнего владельца, но и нынешний владелец, в свою очередь, приобретает законное требование к своему противнику. Ибо тело и время нынешнего обладателя были незаконно присвоены противником во время его разбирательства. Он мог бы делать со своим временем другие, более приятные вещи, нежели защита от противника.

И еще один важный момент: процедура, которая

должна быть выбрана для совершения правосудия по только что обозначенным направлениям, ясна и подразумевается в самой цели мирного, аргументированного разрешения конфликта. Поскольку оба претендента в любом имущественном споре — Джон и Джим — выдвигают или отстаивают противоположные истинностные требования — «я, Джон, являюсь законным владельцем такого-то ресурса» против «нет, я, Джим, являюсь законным владельцем этого самого ресурса» — и, следовательно, и Джон, и Джим заинтересованы и настроены в пользу конкретного исхода судебного разбирательства, так что только какой-то незаинтересованной или нейтральной третьей стороне может быть доверена задача отправления правосудия. Конечно, эта процедура не гарантирует, что правосудие всегда будет восстановлено. Но это гарантирует, что вероятность несправедливых приговоров сведена к минимуму, а ошибки в суждениях наиболее вероятны и легко исправимы. Короче говоря, для каждого имущественного спора между двумя (или более) противоборствующими сторонами, ни одна сторона никогда не может выносить решение и выступать в качестве окончательного судьи в любом споре, затрагивающем ее саму. Напротив, каждое обращение к правосудию всегда должно быть обращено к «посторонним», то есть к беспристрастным сторонним судьям.

Мы можем назвать социальный порядок, возникающий в результате применения этих принципов и процедур: «естественным порядком», «системой естественной справедливости», «обществом частного права» или «конституцией свободы».

Интересно, что, хотя предписания и требования естественного порядка кажутся интуитивно правдоподобными, разумными и нетребовательными к его составным частям, то есть к нам как отдельным субъектам,

на самом деле, однако, мы живем в мире, который резко отклоняется от такого порядка. Конечно, в гражданской жизни и разрешении гражданских споров все еще можно найти следы естественного права и справедливости, но естественное право становится все более деформированным, искаженным, развращенным, заваленным и затопленным под становящимися все более высокими горами законодательных актов, то есть правилами и процедурами, противоречащими естественному праву и справедливости.

Нетрудно выявить первопричину этого все более заметного отклонения социальной реальности от естественного порядка вещей и объяснить эту трансформацию как необходимое следствие одной элементарной и фундаментальной ошибки. Эта ошибка — «первородный грех», если угодно, — является монополизацией функций судьи. То есть «первородный грех» состоит в том, чтобы назначить одного человека или агентство (но никого больше!) выступать в качестве окончательного судьи во всех конфликтах, включая случаи, в которых он является одной из сторон конфликта.

Организация такой монополии, по-видимому, соответствует классическому определению государства как монополиста на принятие окончательных решений и применения насилия на некоторой территории, которую оно приобрело не посредством добровольной передачи прав. Государству — и только ему — позволено судить о своих собственных действиях и насильственно приводить в исполнение свои собственные решения.

Это влечет за собой двойное нарушение естественного права и справедливости. С одной стороны, потому, что государство таким образом запрещает всем, кто участвует в имущественном споре с самим собой, обращаться за правосудием к любому потенциальному не-

зависимому судье; и потому, что государство исключает всех остальных (кроме себя) от возможности предложения своих судебных услуг в таких конфликтах.

Из этой ошибки следуют предсказуемые последствия. Как универсальное правило, каждая монополия, защищенная от конкуренции, приводит к более высоким ценам и более низкому качеству рассматриваемого продукта или услуги, нежели это было бы в противном случае. Конкретно в случае судебной монополии и службы судопроизводства это означает, с одной стороны, что качество права и справедливости снизится, а естественное право будет последовательно заменено монополистическим законодательством. Вполне предсказуемо, что монополист будет использовать свое положение лица, принимающего окончательное решение, не только для разрешения конфликта между конкурирующими собственниками, но и для инициирования или провоцирования конфликтов с частными собственниками, чтобы затем решить такие конфликты в свою пользу, то есть экспроприировать справедливую собственность других в свою пользу на основе своих собственных выдуманных законов. А с другой стороны, цена, которую придется заплатить за справедливость, вырастет. Фактически, цена справедливости будет не просто «более высокой ценой», которую искатели справедливости могут или не хотят платить (как это было бы в случае любой другой монополии), но налогом, который искатели справедливости должны платить независимо от того, согласны они на это или нет. То есть частные собственники, участвующие в имущественных спорах с государством, не только будут экспроприированы законодательно, но и должны будут платить государству за эту «услугу» экспроприации, добавляя тем самым к ущербу нанесение оскорбления.

В сущности, с установлением судебной монополии, вся частная собственность становится по существу символической собственностью, так как частная собственность является частной лишь временно и остается под частным контролем только до тех пор, пока какой-либо государственный закон или нормативное регулирование не установит противоположное, создавая тем самым среду постоянной правовой неопределенности и вызывая изменение нормы временных предпочтений.

Позвольте мне назвать этот процесс, который приходит в движение вместе с институтом государства: прогрессирующее отклонение от естественного порядка и системы правосудия и растущее размывание всех прав частной собственности и соответствующий рост законодательной и регулирующей власти государства — это процесс децивилизации.

Хотя процесс децивилизации, начавшийся с создания государства, устойчив в своем направлении, он может протекать с разной скоростью в разное время и в разных местах, иногда медленнее, а иногда быстрее. Однако можно выявить и другую, дополнительную ошибку, которая приведет к ускорению процесса децивилизации. Вторая ошибка — это превращение государства в демократическое государство. Эта трансформация не предполагает какого-либо изменения статуса государства как судебного монополиста. Тем не менее, она включает в себя значительное двоякое изменение: поступление на государственную службу и на должность верховного судьи открыты на определенный временной промежуток для каждого (взрослого) жителя данной территории, который сможет стать победителем на регулярно повторяющихся тайных выборах по системе «один человек — один голос».

Вполне предсказуемо, что это изменение приведет

к систематическому ускорению процесса децивилизации.

С одной стороны, как убедительно продемонстрировал Гельмут Шек (Helmut Schoeck), чувство зависти является одним из наиболее распространенных и мощных децивилизующих мотивационных сил. Поэтому все главные религии осуждают стремление к собственности ближних как греховное. В естественном порядке или системе естественного права и справедливости люди тоже, одни больше, а другие меньше, испытывают искушение экспроприировать собственность других в своих собственных интересах. Но при естественном порядке, в полном соответствии с религиозными предписаниями, такие искушения считаются безнравственными и незаконными, и каждый должен подавлять любые подобные желания. При наличии государства небольшому числу лиц позволено предаваться этим безнравственным желаниям в течение неопределенного периода времени и использовать законодательство и налогообложение как средства удовлетворения своих собственных желаний в отношении собственности других. Однако только при демократии, то есть при свободном и неограниченном доступе к аппарату власти, снимаются все моральные ограничения и запреты на захват чужой законной собственности. Каждый волен предаваться таким искушениям, предлагать и продвигать все мыслимые меры законодательства и налогообложения, чтобы получить преимущества за счет других людей. То есть, в то время как в естественном порядке каждый должен тратить свое время исключительно на производство или потребление, в демократических обществах все больше времени тратится на политику, то есть на пропаганду и поощрение деятельности, которая не является ни производственной, ни потребитель-

ской, но эксплуататорской и паразитирующей на чужой собственности. В самом деле, даже противники такого развития событий должны все больше своего времени тратить не на производственную деятельность, а на политику, хотя бы для того, чтобы защитить себя и свою собственность или принять меры предосторожности против таких попыток. Фактически, в демократических обществах появляется новый класс людей — политики, чья профессия состоит в том, чтобы предлагать и продвигать законы — декреты и налоги, предназначенные для экспроприации собственности одних в интересах других (включая, прежде всего, самих себя).

Более того, из-за регулярно повторяющихся выборов, политизация общества никогда не прекращается, а постоянно возобновляется и продолжается. Таким образом, усиливается правовая неопределенность или беззаконие, а социальные временные предпочтения будут изменяться сильнее, все больше сокращая временной горизонт, учитываемый в планах действий. И в процессе политической конкуренции, то есть в борьбе за пост высшего лица, принимающего решения, на вершину поднимутся такие политики и политические партии, которые обладают наименьшей моральной щепетильностью и лучшими навыками демагогии, то есть выдвигают и пропагандируют наиболее популярные аморальные и незаконные требования, список которых практически безграничен.

С другой стороны — демократия приведет к росту коррупции. С открытым доступом к аппарату власти, сопротивление государственному регулированию будет уменьшаться, а размер государства будет расти. Число государственных служащих будет увеличиваться, и поскольку их доходы и средства к существованию зависят от сохранения законодательной и налоговой власти го-

сударства, они не обязательно, но, с большой долей вероятности, станут надежными и лояльными сторонниками государства. В частности, класс интеллектуалов, то есть производителей слов, в отличие от производителей вещей, таким образом, будет куплен и развращен. Поскольку рыночный спрос на слова невелик и непостоянен, интеллектуалы всегда отчаянно нуждаются в любой помощи, чтобы удержаться на плаву, а государство, постоянно нуждающееся в идеологической поддержке для своего безжалостного наступления против естественного права и справедливости, охотно предлагает такую помощь и нанимает их в качестве тех, кто будет формировать общественное мнение.

Но коррупция коснется не только государственных служащих. Налоговые поступления и государственный контроль над другими неденежными активами, намного превысят уровень, который необходим для найма государственных служащих. Государство также может перераспределять доходы между различными членами гражданского общества. Лояльность бедных и угнетенных может быть обеспечена с помощью так называемых программ социального обеспечения, а богатых управляющих в сферах финансов и промышленности, а косвенно и их служащих, можно подкупить с помощью предлагаемых привилегий, контрактов и процентных государственных облигаций. Такая же политика может быть использована для «разделения» членов гражданского общества для облегчения контроля все более «атомизированного» населения. Разделяй и властвуй!

В то время, как основное направление социального развития можно с уверенностью предсказать, основываясь на нескольких элементарных предположениях о природе человека, государства и демократии в частности, все детали, касающиеся процесса децивилизации,

остаются неопределенными и неясными. Чтобы быть более конкретным, необходимо обратиться к истории. В частности, следует обратить внимание на последние сто лет, то есть на историю с момента окончания Первой мировой войны в 1918 году, когда современная демократия вступила в свои права, вытеснив прежнее монархическое государство.

Хотя история подтверждает общее предсказание, фактические результаты превосходят самые худшие опасения. Что касается морального вырождения и коррупции, используя США в качестве примера модели демократического государства, нескольких показателей будет достаточно для иллюстрации положения дел.

В США до 1937 года не существовало Кодекса Федеральных правил — документа, в котором перечислялись бы все правительственные правила и предписания. К 1960 году Кодекс достиг 22 877 страниц, а к 2012 году он расширился до 174 545 страниц, разделенных на 50 разделов, которые регулировали в мельчайших деталях производство всего, что только можно себе представить, от сельского хозяйства и воздухоплавания до транспорта, дикой природы и рыболовства. В то время как естественное право состоит только из трех принципов: прав собственности, первоначального присвоения собственности и контрактной передачи собственности от одного владельца к следующему, сегодня, после ста лет демократии, ни один аспект производства и потребления не остается свободным и нерегулируемым. Кроме того, до этого времени существовало не более нескольких «федеральных преступлений», касающихся таких вопросов, как «государственная измена» или «подкуп федеральных должностных лиц» (в то время как все «обычные» преступления были определены и преследовались отдельными штатами). К 1980 году чис-

ло «федеральных преступлений» выросло примерно до 3 000, а к 2007 году достигло 4 450, которые криминализуют не только все большее количество действий и преступлений, в которых нет жертвы, но и все больше мотивов, мыслей, слов и речи.

В качестве второго показателя степени коррупции показательно сопоставление общей численности населения с числом тех, чье существование обеспечивает государство. В настоящее время общая численность населения США составляет около 320 миллионов, или около 260 миллионов, если вычесть число людей моложе 18 лет и не имеющих права голоса. В отличие от этого, число людей, чье существование полностью или в частично зависит от государственного финансирования, включает следующие группы лиц: число государственных служащих (всех уровней управления) составляет около 22 миллионов. 46 миллионов человек получают талоны на питание. 66 миллионов человек являются получателями «социального пособия». 8 миллионов человек получают «выплаты по безработице». Расходы федерального правительства на одни лишь коммерческие организации составляют около 500 миллиардов долларов, на которых занято, по оценкам Чарльза Мюррея, около 22 процентов американских рабочих или около 36 миллионов человек. Наконец, НКО и НПО с общим годовым доходом в 2 триллиона долларов и почти 12 миллионами сотрудников получают около трети своего финансирования от правительства, что составляет еще около 3 миллионов человек — таким образом, общее число зависимых от государства составляет около 181 миллиона человек. То есть только 79 миллионов человек или около трети взрослого (старше 18 лет) населения США (или около 25 процентов от общей численности населения) можно считать финансово полностью или в значительной сте-

пени независимыми от государства, тогда как около 70 процентов взрослого населения США и 57 процентов от общей численности населения должны считаться зависимыми от государства.

Наконец, в качестве третьего показателя морально-го вырождения и коррупции поучителен взгляд на верхушку демократической государственной системы: на политиков и политические партии, которые управляют и руководят демократическим шоу. В этом отношении, посмотрим ли мы на США или на любое из государств, картина представляется одинаково ясной и мрачной одновременно. Если судить по стандартам естественного права и справедливости, то все политики, представители всех партий и практически все без исключения виновны, прямо или косвенно, в убийствах, интервенциях, конфискациях, кражах, мошенничестве и незаконном обороте краденого в огромных и непрекращающихся масштабах. И каждое новое поколение политиков и партий оказывается хуже, и нагромождает еще больше зверств и извращений на вершину уже существующей горы, что человек начинает чувствовать ностальгию по прошлому.

Все они должны быть подвергнуты наказаниям, соответствующих их преступлениям.

Но вместо этого они расхаживают на публике средь бела дня и провозглашают себя — с присущей им напыщенностью и высокомерием — святыми благодетелями: добрыми самаритянами, бескорыстными государственными служащими, меценатами и спасителями всего человечества. С помощью нанятой интеллигенции, они рассказывают публике, что, как и в стране чудес Алисы, ничто не является тем, чем кажется:

— Когда я использую какое-нибудь слово, — ответил Шалтай-Болтай довольно высокомерным тоном, — оно значит только то, что я захочу — ни больше и ни меньше.

— Вопрос в том, как же вы можете заставить слова означать такие разные вещи?

— Все дело в том, — ответил ей Шалтай-Болтай, — кто их хозяин.

И это политики, которые обладают властью, и которые утверждают, что агрессия, вторжение, убийство и война на самом деле являются самообороной, тогда как самооборона – это агрессия, вторжение, убийство и война. Свобода – это принуждение, а принуждение – это свобода. Сбережения и инвестиции – это потребление, а потребление – это сбережения и инвестиции. Деньги – это бумага, а бумага – это деньги. Налоги – это добровольные платежи, а добровольно уплаченные платежи – эксплуататорские налоги. Контракты – это не контракты, и никакие контракты не являются контрактами. Производители – это паразиты, а паразиты – это производители. Экспроприация – это реституция, а реституция – это экспроприация. Действительно, то, что мы можем видеть, слышать или ощущать иным образом, не существует, а то, что мы не можем видеть, слышать или ощущать иным образом, существует. Нормальное – это ненормальное, а ненормальное – нормальное. Черное – это белое, а белое – это черное. Мужчина – это женщина, а женщина – мужчина и т.д.

Хуже того, подавляющее большинство населения, намного превышающее даже число, которые существуют за счет государства, поддается на эту чушь. Политиков не презирают и не высмеивают, но высоко ценят, аплодируют, восхищаются и даже прославляют в массах. В их присутствии, и особенно по отношению к «высшим» политикам, большинство людей проявляют благоговейный трепет, покорность и раболепие. Дей-

ствительно, даже те, кто выступает против или осуждает одного конкретного политика или партию, делают это почти всегда только для того, чтобы предложить или приветствовать еще одного, другого, но столь же абсурдного и нелепого политика или партию. А интеллигенция, используя свою собственную абракадабру, вторя болтовне того или иного политика или политической партии, фактически поклоняется перед ними.

С другой стороны, число тех, кто все еще придерживается принципов естественного права и справедливости как основы всех моральных суждений, и кто оценивает современный мир соответственно как «Абсурдистан», то есть сумасшедший дом, управляемый сумасшедшими мегаломанами, составляет сегодня не более чем ничтожное меньшинство населения, меньшее по размеру даже, чем печально известный «1 процент сверхбогатых» левых (и почти не пересекающееся с этой группой). И еще меньше тех, кто признает, хотя и смутно, систематическую причину этого исхода. И все они — те немногие здравомыслящие люди, которые не потеряли рассудок — находятся под постоянной угрозой со стороны стражей и хранителей этого «Абсурдистана», называемого демократией, и клеймятся неандертальцами, реакционерами, экстремистами, тупицами, социопатами и подонками.

Что приводит меня к «Property and Freedom Society» (PFS). Потому что она целенаправленно собирает именно таких отверженных неандертальцев: людей, которые видят насквозь происходящий перед их глазами фарс (*schmierentheater*), в котором принимают участие все болтливые политики и любимцы масс-медиа, и у которых, соответственно, есть только одно желание: уйти, то есть отказаться от правовой системы, навязанной им демократическим государством.

Но где бы ни жили эти неандертальцы, они оказываются в затруднительном положении: выход за баррикадирован или полностью закрыт. Отделение от территории государства не допускается. Человек может эмигрировать из одной страны в другую и таким образом покинуть государство А — и попасть под юрисдикцию государства В. Но его недвижимость, особенно в случае ее продажи, остается, таким образом, под юрисдикцией государства А. То есть, никто и нигде не может уйти вместе со своим имуществом. Отделение не только запрещено и рассматривается политиками как измена, но оно также считается уклонением от своих обязанностей и подавляющей массой «образованной» или, скорее, промытой мозгами общественности. Таким образом, для неандертальцев ситуация представляется безнадежной.

PFS, конечно, не может предложить выход из этого затруднительного положения. Его собрания также должны проходить на местах и как таковые подчиняться государственному праву и юрисдикции. Нельзя даже считать само собой разумеющимся, что такие встречи, как наша, будут разрешены всегда и везде. Таким образом, встречи PFS не могут предложить ничего, кроме кратковременного бегства от нашей реальной жизни в качестве заключенных сумасшедшего дома, если не на земле, то, по крайней мере, в виртуальной реальности идей, мыслей и аргументов.

Но, конечно, эти встречи имеют серьезную цель. Они хотят добиться перемен в реальном мире. Как минимум, они хотят предотвратить полное исчезновение неандертальской культуры, то есть культуры естественного права, порядка и справедливости. Они хотят помочь сохранить и обеспечить интеллектуальную пищу для этого все более редкого вида людей и культуры.

Более амбициозная цель, однако, PFS состоит в том, чтобы помочь этим неандертальцам и их культуре восстановить свою мощь в глазах общественности, выставив их на всеобщее обозрение и демонстрируя их как уникальный и привлекательный вид и контркультуру.

Для достижения этой цели PFS, как это ни парадоксально, проводит политику строгого отбора, то есть политику включения и исключения. Таким образом, с одной стороны, PFS систематически исключает и подвергает дискриминации всех представителей и пропагандистов нынешней, доминирующей демократической государственной культуры: всех профессиональных политиков, государственных: -судей, -прокуроров, -тюремщиков, -убийц, -сборщиков налогов и -банкиров, подстрекателей войны и сторонников социализма, правового позитивизма, морального релятивизма и эгалитаризма всех видов. С другой стороны, PFS ищет и принимает людей, которые считают истинным изречение Томаса Джефферсона (Thomas Jefferson) о том, что «не существует истины, которой я боюсь или хотел бы знать не весь мир», которым неизвестно интеллектуальное «табу» и «политическая корректность», и которые вместо этого привержены бескомпромиссному интеллектуальному радикализму, готовые следовать велениям разума, куда бы они ни вели. Более конкретно, PFS ищет и принимает только сторонников, которые признают справедливым существование частной собственности и прав на нее, свободу договоров, ассоциаций, торговли и мира.

Придерживаясь этой политики, PFS после десяти лет своего существования утвердилась в качестве монополиста в мире интеллектуальных сообществ: сообщества, состоящего из исключительных личностей всех возрастов, профессий и наций, которые не имеют себе

равных в междисциплинарной широте и глубине своего радикализма, собранных в красивой обстановке, объединенных духом товарищества и свободного от этактистов; сообщество, презираемое и даже ненавидимое (но которому втайне завидуют) всеми подозрительными лицами, и которое приветствуется всеми, кто имел возможность быть его частью.

Однако, в отличие от других, «обычных» монополий, я не ставлю своей целью сохранение и поддержание нынешнего монопольного положения PFS. Как раз наоборот. Подавая пример, производя привлекательный и действительно красивый продукт — частное общественное благо, если хотите — я надеюсь, что нынешнее монопольное положение PFS будет лишь временным и что его пример послужит вдохновением для всех остальных, что возникнет все больше и больше подобных организаций и встреч, что доминирующее демократическое бескультурье будет, таким образом, подвергаться все большему публичному осмеянию, и что в конечном счете они, сторонники и выразители господствующего демократического бескультурья, будут считаться изгоями в цивилизованном обществе.

Есть некоторые положительные признаки этого: однодневные мероприятия Mises Circle в крупных городах США, встречи Wertewirtschaft Рахима Тагизадегана (Rahim Taghizadegan) в Австрии и конференции Eigentuemlich-Frei Андре Лихтшлага (Andre Lichtschlag) в Германии. Однако я боюсь, что соответствовать достижениям PFS будет непростой задачей и что она еще довольно долго будет сохранять свой уникальный статус. Лично я планирую продолжать этот проект до тех пор, пока моя сила (и особенно сила Гюльчаты) будет сохраняться, и, что еще более важно, до тех пор, пока вы будете продолжать приходить и эффективно поддержи-

вать интеллектуальное детище, которым является PFS.

Либертарианство и Alt-Right: В поисках либертарианской стратегии изменений в обществе

Нам известна судьба терминов либерал и либерализм. Ими было названо такое множество различных людей и различных позиций, что они потеряли свои значения и стали бессмысленными, не поддающимися расшифровке ярлыками. Та же участь теперь все больше угрожает терминам либертарианец и либертарианство, которые были изобретены, чтобы восстановить концептуальную точность, утраченную с исчезновением прежних ярлыков.

Однако история современного либертарианства еще достаточно молода. Она началась в гостиной Мюррея Ротбарда и нашла свое первое квазиканоническое выражение в работе «К новой свободе: либертарианский манифест», опубликованной в 1973 году. И поэтому, я все еще надеюсь, и все еще не готов отказаться от либертарианства, как оно определено и объяснено Ротбардом с непревзойденной концептуальной ясностью и точностью, несмотря на бесчисленные попытки так называемых либертарианцев замутив воду и присвоить себе доброе имя либертарианства для чего-то совершенно другого.

Теоретическое, неопровержимое ядро либертари-

анской доктрины является простым для понимания, и я уже неоднократно объяснял это здесь. Если бы в мире не существовало дефицита благ, человеческие конфликты или, точнее, физические столкновения, были бы невозможны. Межличностные конфликты — это всегда конфликты, касающиеся дефицитных вещей. Я хочу сделать А с данной вещью, а вы хотите сделать В с той же самой вещью. Из-за таких конфликтов — и потому что мы способны общаться и спорить друг с другом — мы ищем нормы поведения с целью избежать этих конфликтов. Целью норм является предотвращение конфликтов. Если бы мы не хотели избегать конфликтов, то поиск норм поведения был бы бессмысленным. Мы бы просто сражались друг с другом.

При отсутствии совершенной гармонии всех интересов, конфликты в отношении дефицитных ресурсов могут быть устранены только в том случае, если все такие ресурсы будут переданы в частную, исключительную собственность какому-либо конкретному лицу или группе лиц. Только тогда я смогу действовать независимо, с моими собственными вещами, от вас, с вашими собственными вещами, не применяя агрессию.

Но кто является владельцем дефицитного ресурса, а кто нет? Во-первых: каждый человек владеет своим физическим телом, которое только он и никто другой непосредственно не контролирует. А во-вторых, дефицитными ресурсами, которыми можно управлять только косвенно (то есть которые должны быть присвоены с нашей природой, то есть присвоены телом), исключительный контроль (собственность) приобретается за счет правила первичного присвоения или за счет добровольного (бесконфликтного) обмена с предыдущим владельцем. Ибо только первый, кто присвоит ресурс (и все последующие собственники, связанные с ним цепью

добровольных обменов) могут приобрести и получить контроль над ним без конфликта, то есть мирным путем. В противном случае, если вместо этого исключительный контроль назначается другому, противостояния не удастся избежать, что противоречит самой цели непреложных норм.

Если вы хотите жить в мире с другими людьми и избегать всех физических конфликтов, а если таковые действительно происходят, стремиться разрешить их мирным путем, то вы должны быть анархистом или, точнее, анархистом и сторонником частной собственности, анархо-капиталистом или сторонником частного правового общества.

Затем, не вдаваясь в подробности, повторяю: любой, кем бы он ни был, не является либертарианцем или является фальшивым либертарианцем, если он утверждает и отстаивает одно или несколько из следующих положений: необходимость существования государства, «общественной» (государственной) собственности и налогов для того, чтобы жить в мире; или существование любых так называемых «прав человека» или «гражданских прав», отличных от прав частной собственности, таких как «права женщин», «права гомосексуалистов», «права меньшинств», «право» не подвергаться дискриминации, «право» на свободную и неограниченную иммиграцию, «право» на гарантированный минимальный доход или на бесплатное медицинское обслуживание, или «право» на свободу от того, что кажется неприятным. Сторонники любого из этих «прав» могут называть себя как угодно, и как либертарианцы мы вполне можем сотрудничать с ними, поскольку такое сотрудничество обещает приблизить нас к нашей конечной цели, но они не либертарианцы или лишь фальшивые либертарианцы.

Так вот, по дороге на форум произошла забавная вещь. В то время как Ротбард и я, следуя по его стопам, отказывались от этих основных теоретических убеждений, поддельные либертарианцы, то есть люди, утверждающие, что ложные положения о либертарианстве, и даже многие, возможно, честные, но недалекие борцы за свободу выбора, считали нас как своими *betes noires*, так и самим воплощением зла. Ротбарда, духовного лидера либертарианства, эта так называемая «антифашистская» толпа заклеила как реакционера, расиста, сексиста, авторитариста, элитиста, ксенофоба, фашиста и, в довершение всего, ненавидящем себя евреем-нацистом. И я унаследовал все эти почетные титулы (за исключением звания еврея), плюс еще несколько. Так что же здесь произошло смешного?

Попытка разработать ответ на этот вопрос подводит меня к теме этой речи: отношения между либертарианством и альтернативными правыми или «Alt-Right», которые приобрели национальную и международную известность после того, как Хиллари Клинтон (Hillary Diane Rodham Clinton) во время президентской избирательной кампании 2016 года определила его как один из вдохновляющих примеров «кучкой убогих», болеющих за Трампа (и чье руководство, к его чести, после победы Трампа на выборах быстро порвало с ним, когда он оказался просто еще одним разжигателем войны).

Движение Alt-Right является, по существу, преемником палеоконсервативного движения, которое получило известность в начале 1990-х годов, с колумнистом и автором бестселлеров Патриком Бьюкененом (Patrick Joseph Buchanan) в качестве его самого известного представителя. К концу 1990-х годов оно затихло, и в последнее время, в свете неуклонно растущего ущерба, нанесенного Америке и ее репутации сменяющимися друг

друга администрациями Буша-старшего, Клинтона, Буша-младшего и Обамы, оно вновь стало проявлять себя более энергично, чем раньше, под новым ярлыком Alt-Right. Многие из ведущих огней, связанных с Alt-Right, появлялись на наших встречах в течение многих лет. Пол Готфрид, который первым придумал этот термин, Питер Бримеллоу, Ричард Линн (Richard Lynn), Джаред Тейлор (Jared Taylor), Джон Дербишир (John Derbyshire), Стив Сейлер (Steve Sailer) и Ричард Спенсер (Richard Spencer). Кроме того, имя Шона Габба (Sean Gabb) и мое имя регулярно упоминаются в связи с Alt-Right, и моя работа была связана также тесно связанна с неоконсервативным движением, вдохновленным Кертисом Ярвином (Curtis Yarvin, он же Mencius Moldbug) и его ныне несуществующим блогом «Unqualified Reservations». В общем, эти личные отношения и связи принесли мне несколько почетных упоминаний обо мне от самой известной американской лиги клеветы и дезинформации, SPLC (он же Soviet Poverty Lie Center).

А теперь: как насчет отношений между либертарианством и Alt-Right и моих причин для приглашения ведущих представителей Alt-Right на встречи с либертарианцами? Либертарианцы объединены неоспоримыми теоретическими основными убеждениями, упомянутыми в самом начале. Они четко представляют себе цель, которую хотят достичь. Но либертарианская доктрина не предполагает многого, что касается следующих вопросов: во-первых, как сохранить либертарианский порядок, который был однажды достигнут. И во-вторых, как достичь либертарианского порядка из не либертарианской отправной точки, что требует (А) правильного описания этой отправной точки и (В) правильного определения препятствий, возникающих на пути достижения либертарианских целей этой самой

отправной точкой. Чтобы ответить на эти вопросы, помимо теории, вам также потребуется некоторое знание о человеческой психологии и социологии, или хотя бы крупица здравого смысла. Тем не менее, многие либертарианцы и фальшивые либертарианцы просто не знакомы с человеческой психологией и социологией, или даже лишены какого-либо здравого смысла. Они слепо принимают, вопреки всем эмпирическим свидетельствам, эгалитарный, чистый взгляд на человеческую природу, на то, что все люди и все общества и культуры по существу равны и взаимозаменяемы.

Хотя многое из современного либертарианства можно охарактеризовать как теорию, которая не принимает в расчет эмпирические психологические и социологические факты, большую часть движения Alt-Right можно описать, напротив, как психологический и социологический опыт, лишенный теоретических основ. Alt-Right не объединены общепринятой теорией, и не существует ничего, даже отдаленно напоминающего канонический текст, определяющий его смысл. Скорее, Alt-Right существенно едино в своем описании современного мира, и в частности США и так называемого западного мира, а также в выявлении и диагностике его социальных патологий. На самом деле, было правильно отмечено, что Alt-Right гораздо более объединен тем, против чего он выступает, нежели тем, что он поддерживает. Он выступает против и страстно ненавидит элит, контролирующую государство и академических кругов. Почему? Потому что все они способствуют социальному вырождению. Таким образом, они поощряют, а Alt-Right решительно выступают против эгалитаризма, позитивных действий («недискриминации»), мультикультурализма и «свободной» массовой иммиграции как средства достижения мультикультурализма. Кроме

того, Alt-Right ненавидят все, что связано с культурным марксизмом и «политической корректностью», и, стратегически мудро, они пожимают плечами, не принося извинений об обвинении в расизме, сексизме, элитизме, супрематизме, гомофобстве, ксенофобстве и прочему. Alt-Right также смеются над безнадежно наивным программным лозунгом фальшивых либертарианцев (который мой молодой немецкий друг Андре Лихтшлаг назвал «Liberallala-Libertarians») «мира, любви и свободы», соответствующим образом переведенным на немецкий язык Лихтшлагом как «Friede, Freude, Eierkuchen». Резко контрастируя с этим, Alt-Right настаивают на том, что жизнь — это также вражда, ненависть, борьба и сражение, причем не только между отдельными людьми, но и между различными группами людей, действующими совместно. «Millennial Woes» (Colin Robertson), таким образом удачно суммировал идеи Alt-Right: «Равенство — это чушь собачья. Иерархия имеет значение. Расы отличаются друг от друга. Люди имеют разный пол. Мораль имеет значение, а вырождение реально. Культуры не равны, и мы не обязаны думать, что они равны. Человек — падшее существо, и в жизни есть нечто большее, чем пустой материализм. Наконец, белая раса имеет значение, и цивилизация драгоценна. Это Alt-Right».

Однако, при отсутствии какой-либо объединяющей теории, между Alt-Right существует гораздо меньше согласия относительно цели, которую они в конечном счете хотят достичь. Многие из ее лидеров имеют явно либертарианские наклонности, особенно те, которые пришли сюда (что, конечно же, было причиной их приглашения сюда), даже если они не являются стопроцентными сторонниками и не идентифицируют себя как таковые. Все Alt-Right, которые появились здесь, например, были знакомы с Ротбардом и его работой, в

то время когда последний кандидат в президенты от Либертарианской партии никогда даже не слышал имени Ротбарда, и все они, насколько мне известно, были откровенными сторонниками Рона Пола (Ronald Ernest «Ron» Paul) во время его первичной кампании по выдвижению Республиканской партии кандидатом в президенты, в то время когда многие самопровозглашенные либертарианцы нападали и пытались очернить Рона Пола за его якобы (вы уже знаете, что сейчас происходит) «расистские» взгляды.

Однако некоторые лидеры Alt-Right и многие из их рядовых последователей также поддержали взгляды, несовместимые с либертарианством. Как Бьюкенен раньше и Трамп сейчас, они непреклонны в отношении усиления политики ограничительной, высокоселективной и дискриминационной иммиграции (что полностью совместимо с либертарианством и его желанием свободы ассоциации и противостояния принудительной интеграции) с резкой политикой ограниченной торговли, экономического протекционизма и защитных тарифов (что противоречит либертарианству и враждебно человеческому процветанию). (Позвольте мне поспешить добавить здесь, что, несмотря на мои опасения относительно его «экономики», я все еще считаю Патрика Бьюкенена великим человеком.)

Другие забрели еще дальше, например Ричард Спенсер, который первым популяризировал термин Alt-Right. Тем временем, благодаря нескольким недавним рекламным трюкам, которые принесли ему некоторую известность в США, Спенсер претендовал на звание главного лидера объединенного движения (попытка, кстати, которая была высмеяна Таки Теодоракопулосом (Taki Theodoracopoulos), ветераном палеоконсервативного (ставшего Alt-Right) движения и бывшим работодате-

лем Спенсера). Когда Спенсер появился здесь несколько лет назад, он все еще демонстрировал сильные либертарианские склонности. К сожалению, однако, это изменилось, и Спенсер теперь осуждает без каких-либо оговорок всех либертарианцев и все либертарианское и зашел так далеко, что даже принимает социализм, пока это социализм только для белых людей. Какое ужасное разочарование!

Учитывая отсутствие каких-либо теоретических оснований, этот раскол движения Alt-Right на конкурирующие фракции вряд ли можно считать сюрпризом. Но этот факт не должен вводить в заблуждение, потому что Alt-Right имеет многие выводы, которые играют центральную роль в приближении ответ на два ранее упомянутых вопроса о либертарианской теории: о том, как сохранить либертарианский социальный порядок и как перейти к такому порядку вместо текущего, решительно ООН-либерального статус-кво. Эти прозрения не были открыты Alt-Right. Они были определены задолго до них и действительно, в значительной степени они представляют собой не более, чем здравый смысл. Но в последнее время такие озарения были погребены под горами эгалитарной, левой пропаганды, и Alt-Right следует приписать то, что они вернулись к свету.

Чтобы проиллюстрировать важность таких прозрений, позвольте мне сначала ответить на первый оставшийся без ответа вопрос.

Многие либертарианцы придерживаются мнения, что все, что необходимо для поддержания либертарианского социального порядка, – это строгое соблюдение принципа неагрессии (NAP). В противном случае, пока человек воздерживается от агрессии, по их мнению, должен действовать принцип «живи и дай жить другим». Тем не менее, безусловно, пока принцип «живи и дай

жить другим» звучит привлекательно для подростков во время бунтов против авторитета родителей и всех социальных норм (и многие молодые люди были изначально привлечены к либертарианству полагая, что это «живи и дай жить другим» – это суть либертарианства), и хотя принцип NAP действительно может работать для людей, живущих далеко друг от друга и которые взаимодействуют друг с другом лишь косвенным образом, то применения NAP оказывается недостаточно, когда речь идет о людях, живущих в непосредственной близости друг от друга, будь то соседи или сожители одной общины.

Достаточно простого примера, чтобы прийти к этому выводу. Предположим, рядом появляется новый сосед. Этот сосед никоим образом не нападает на вас или вашу собственность, но он является «плохим» соседом. Он загромождает свой собственный соседний участок, превращая его в мусорную кучу; на открытом месте, чтобы вы видели, он занимается ритуальным забоем животных, он превращает свой дом в «Freudenhaus», бордель, который клиенты посещают круглые сутки; он никогда не подает руку помощи и никогда не выполняет никаких своих обещаний; или он не может или отказывается говорить с вами на вашем собственном языке и т.д. Ваша жизнь превращается в кошмар. И все же вы не можете использовать насилие против него, потому что он не напал на вас. А что вы можете предпринять? Вы можете избегать его и подвергнуть остракизму. Но ваш ближний не обращает на это внимания, так как вы единственный, кто таким образом «наказывает» его, если это вообще имеет для него какое-либо значение. Вы должны иметь общественное уважение и авторитет, или вы должны обратиться к кому-то, кто им обладает, чтобы убедить всех или, по крайней мере, большинство

членов вашей общины, сделать то же самое, сделав плохого соседа социальным изгоем, чтобы оказать на него достаточное давление, чтобы он продал свою собственность и ушел. (существует много для либертарианцев, которые в дополнение к своему идеалу «живи и дай жить другим» также приветствуют девиз «не признавай ничей авторитет!»)

Каков урок? Мирное сосуществование соседей и людей, находящихся в постоянном непосредственном контакте друг с другом на определенной территории — спокойный, общительный социальный порядок — требует также единства культуры: языка, религии и обычаев. Возможно мирное сосуществование различных культур на отдаленных, физически разделенных территориях, но мультикультурализм, культурная гетерогенность не могут существовать в одном и том же месте и на одной территории, не приводя к снижению социального доверия, усилению напряженности и, в конечном счете, призыву к «сильному человеку» и разрушению всего, что напоминает либертарианский социальный порядок.

Более того: для поддержания либертарианских порядков всегда нужно быть настороже против «плохих» (пусть даже и неагрессивных) соседей посредством социального ostracism, и даже более бдительно она должна быть защищена от соседей, которые открыто выступают за коммунизм, социализм, синдикализм или демократию в любых возможных формах. Они, создавая таким образом открытую угрозу для всей частной собственности и собственников, должны быть не только подвергнуты ostracism, но и, пользуясь уже известным мемом, «Physically Removed», если потребуется, с применением насилия и должны быть вынуждены уйти в другое место. Неисполнение этого правила неизбежно

ведет к коммунизму, социализму, синдикализму или демократии и, следовательно, прямо противоположному либертарианскому социальному порядку.

Имея в виду эти «правые» или, как я бы сказал, простые с точки зрения здравого смысла идеи, я обращаюсь теперь к более сложному вопросу о том, как двигаться отсюда, статус-кво, туда. И для этого было бы поучительно сначала кратко рассмотреть ответ, данный «Liberallala-Libertarians». В нем обнаруживается тот же самый фундаментальный эгалитаризм, хотя и в несколько иной форме, что и у либертарианцев, «живущих и дающих жить другим». Они, как я только что попытался показать, определяют то, что мы можем назвать «проблемой плохого соседа» — и то, что является просто кратким ответом на общую проблему, поставленную сосуществованием явно различных, чуждых, взаимно раздражающих или враждебных культур — просто несуществующей. И действительно, если вы предполагаете, вопреки всем эмпирическим данным, что все люди, везде, по существу одинаковы, то, по определению, такой вещи, как «проблема плохого соседа», не существует.

Тот же самый эгалитарный, или как его предпочитают называть сами «Liberallala-Libertarians», «гуманистический» дух также присутствует в их ответе на вопрос о либертарианской стратегии. В двух словах, их совет таков: будьте любезны и говорите со всеми — и тогда, в конечном счете, лучшие либертарианские аргументы победят.

Однако за пределами эгалитарных стран фантазии, в реальном мире, либертарианцы должны прежде всего быть реалистами и признать с самого начала, как это делают Alt-Right, неравенство не только отдельных людей, но и различных культур в качестве неустранимой

данности человеческого существования. Мы должны признать, что существует множество врагов свободы, определяемых либертарианством, и что они, а не мы, отвечают за мирские дела; что во многих частях современного мира их контроль над населением настолько полон, что идеи свободы и либертарианского социального порядка практически неизвестны или считаются невысказанными (за исключением некоторых праздных интеллектуальных игр или умственной гимнастики нескольких «экзотических» индивидов); и что по существу только на Западе, в странах Западной и Центральной Европы и на землях, заселенных ее народом, идея свободы настолько глубоко укоренилась, что этим врагам все еще можно открыто бросить вызов. И ограничивая наши стратегические соображения только западным миром, мы можем идентифицировать, почти так же, как это эффективно сделали Alt-Right, этих акторов и агентов в качестве наших главных врагов.

Это, прежде всего, правящие элиты, контролирующие государственный аппарат и в особенности «Сильное государство» или так называемый «собор» военных, спецслужб, центральных банков и верховных судов. К ним также относятся руководители военно-промышленного комплекса, то есть номинально частных фирм, которые своим существованием обязаны государству как эксклюзивному или доминирующему покупателю их продукции, а также руководители крупных коммерческих банков, которые имеют привилегию создавать деньги и кредиты из воздуха, которые обязаны своим существованием Центральному банку в качестве «кредитора последней инстанции». Значит, они вместе — государство, крупный бизнес и крупные банки — сформировали чрезвычайно мощное, пусть и крошечное «общество взаимного восхищения», совместно ободрав

огромную массу налогоплательщиков и живя на широкую ногу за их счет.

Вторая, гораздо более многочисленная группа врагов состоит из интеллектуалов, педагогов и «просветителей», начиная с высших академических уровней и вплоть до уровня начальных школ и детских садов. Финансируемые почти исключительно, прямо или косвенно, государством, они в своем подавляющем большинстве стали мягкими орудиями и добровольными палачами в руках правящей элиты, стремящейся к абсолютной власти и тотальному контролю. И третья группа – это журналисты, послушные продукты системы «государственного образования» и трусливые популяризаторы правительственной «информации».

Не менее важным в разработке либертарианской стратегии является ответ на следующий вопрос: кто является жертвой? Стандартный либертарианский ответ на этот вопрос таков: налогоплательщики, а не налогоплательщики. Тем не менее, хотя это по существу верно, это в лучшем случае только часть ответа, и либертарианцы могли бы узнать что-то в этом отношении от Alt-Right: потому что помимо узкоэкономического аспекта есть также более широкий культурный аспект, который должен быть принят во внимание при идентификации жертв.

Чтобы расширить и усилить свою власть, правящие элиты в течение многих десятилетий вели то, что Патрика Бьюкенен определил как систематическую «культурную войну», направленную на переоценку всех ценностей и разрушение всех естественных или, если угодно, «органических» социальных связей и институтов, таких как семьи, общины, этнические группы и генеалогически связанные нации, с тем чтобы создать все более атомизированное население, единственной об-

щей характеристикой и объединяющей связью которого является его общая экзистенциальная зависимость от государства. Первым шагом в этом направлении, предпринятым уже полвека или даже больше назад, стало введение понятий «общее благо» и «социальное обеспечение». Таким образом, низший слой населения и пожилые люди превратились в иждивенцев, а ценность и значение семьи и общины, соответственно, уменьшилась и ослабла. В последнее время предпринимаются все более крупные шаги в этом направлении. Была провозглашена и пропагандирована новая «виктимология». Женщины, и в частности матери-одиночки, чернокожие, темнокожие, латиноамериканцы, гомосексуалисты, лесбиянки, бисексуалы и транссексуалы, получили статус «жертв» и юридические привилегии посредством законов о недискриминации или позитивных действиях. Кроме того, совсем недавно такие привилегии были распространены также на иностранных иммигрантов, будь то легальных или нелегальных, поскольку они относятся к одной из только что упомянутых категорий или являются членами нехристианских религий, например, таких как ислам. И каков же результат? Ранее упомянутая «проблема плохих соседей» не только не была устранена или решена, но и систематически поощрялась и усиливалась. Культурная однородность была уничтожена, а свобода ассоциаций, добровольная физическая сегрегация и разделение различных народов, общин, культур и традиций были заменены всепроникающей системой принудительной социальной интеграции. Кроме того, каждая упомянутая группа «жертв», таким образом, была противопоставлена друг другу, и все они были противопоставлены белым, гетеросексуальным, мужчинам-христианам и, в частности, тем, кто женат и имеет детей, как единственная оставшаяся, юридиче-

ски незащищенная группа. Таким образом, в результате переоценки всех ценностей, продвигаемых правящими элитами, мир перевернулся с ног на голову. Институт семьи с отцом, матерью и их детьми, которые легли в основу западной цивилизации, как самые свободные, самые трудолюбивые и создавшими современные блага цивилизации, которые известны человечеству, то есть тех, кто сделал самый большой вклад в развитие человечества, официально заклеены как источник всех социальных зол и поставлены в наиболее неблагоприятное положение из-за беспощадной политики элит «разделяй и властвуй».

Соответственно, учитывая нынешнее положение дел, любая многообещающая либертарианская стратегия должна, насколько это признает Alt-Right, в первую очередь быть адаптирована и адресована этой группе наиболее сильно пострадавших людей. Белые супружеские пары христиан с детьми, в частности, если они также принадлежат к классу налогоплательщиков (а не налогоплательщиков), и каждый, кто больше всего похож или стремится к этой стандартной форме социального порядка и организации, может быть наиболее восприимчивой аудиторией либертарианского послания (в то время как наименьшая поддержка должна, как ожидается, исходить от юридически наиболее «защищенных» групп, таких как, например, одинокие черные мусульманские матери на пособиях).

Таким образом, учитывая эту констелляцию преступников-врагов и жертв на Западе, я могу теперь перейти к заключительной задаче – попытаться очертить реалистичную либертарианскую стратегию перемен, специфику которой придется предварить двумя общими соображениями. Во-первых, учитывая, что класс интеллектуалов, от академических верхов до журналистов,

формирующих мнение через ведущие СМИ, финансируемых и прочно связаны с правящей системой, они не должны играть главную, если вообще какую-либо роль в решении проблемы. Соответственно, так называемая хайекианская стратегия социальных изменений, предусматривающая распространение правильных либертарианских идей, начиная сверху, с ведущих философов, а затем просачиваясь оттуда к журналистам и, наконец, к массам, должна считаться принципиально нереалистичной. Вместо этого любая реалистичная либертарианская стратегия перемен должна быть популистской стратегией. То есть либертарианцы должны обратиться непосредственно к массам, чтобы вызвать у них негодование и презрение к правящим элитам.

И во-вторых, несмотря на то, что главными адресатами популистского либертарианского послания должны быть действительно только что упомянутые группы обездоленных и лишенных прав коренных белых жителей, я считаю серьезной стратегической ошибкой делать белый цвет кожи исключительным критерием, на котором основываются стратегические решения, как это предлагают некоторые Alt-Right. В конце концов, прежде всего именно белые люди составляют правящую элиту и навязали нам нынешний беспорядок. Действительно, различные защищенные «меньшинства», упомянутые выше, в полной мере пользуются юридическими привилегиями, которые им были предоставлены, и они все больше осмеливаются просить еще большей «защиты», но никто из них и все они вместе не обладали и не обладают интеллектуальным мастерством, которое сделало бы этот результат возможным, если бы не инструментальная помощь, которую они получали и получают от белых людей.

Теперь, озвучив мнение сторонников движений

Бьюкенена, Пола и Трампа, перейдем к специфике популистской стратегии либертарианских изменений, этапы которой могут быть реализованы в любом порядке, за исключением самого первого этапа, который в настоящее время приобрел наибольшую популярность в общественном сознании.

Первое: остановить массовую иммиграцию. Волны иммигрантов, которые в настоящее время наводняют западный мир, отягощают его ордами паразитов, живущих на пособие, привлекают террористов, увеличивают преступность, приводят к увеличению запретных районов и приводят к бесчисленным «плохим соседям», которые, основываясь на своем чужеродном воспитании, культуре и традициях, не понимают и не ценят свободу и неизбежно становятся бездумными будущими сторонниками социального государства.

Никто не против иммиграции и иммигрантов как таковых. Но иммиграция должна быть только по приглашению. Все иммигранты должны быть продуктивными членами общества и, следовательно, не должны получать никаких социальных выплат. Для обеспечения этого они или их приглашающая сторона должны установить связь с общиной, в которой они должны поселиться, и которая должна привести к депортации иммигранта, если он когда-либо станет обременителем для общества. Кроме того, каждый иммигрант, приглашающая сторона или работодатель должны не только оплачивать содержание или зарплату иммигранта, но также должны платить жилищному сообществу за дополнительный износ его общественных объектов, связанных с присутствием иммигранта, с тем чтобы избежать любых расходов, которое может понести его поселение. Кроме того, даже до его приема каждый потенциальный иммигрант, приглашенный на конферен-

цию, должен быть тщательно проверен не только на его продуктивность, но и на культурную близость (или «добрососедство») — с эмпирически предсказуемым результатом в основном, но ни в коем случае не исключительно, западно-белых иммигрантов-кандидатов. И любой известный коммунист или социалист, любого цвета кожи, вероисповедания или страны происхождения, должен быть отстранен от постоянного поселения — если, конечно, община, где потенциальный иммигрант хочет поселиться официально, не санкционирует разграбление имущества своих жителей новоприбывшими, что не очень вероятно, мягко говоря (даже в рамках уже существующих «коммунистических» коммун).

(Краткое послание для всех сторонников открытых границ, которые наверняка назовут это, как вы догадались, «фашистским»: в полностью приватизированном либертарианском порядке не существует такого понятия, как право на свободную иммиграцию. Частная собственность подразумевает границы и право собственника исключать по своему желанию. И «общественная собственность» тоже имеет границы. Она не является никому не принадлежащей. Это собственность местных налогоплательщиков и уж точно не собственность иностранцев. И хотя это правда, что государство является преступной организацией и возложение на нее задачи контроля границ неизбежно повлечет за многочисленное количество несправедливостей, как для местных жителей, так и для иностранцев, также верно, что государство что-то делает и в том случае, когда он решает не делать ничего по поводу пограничного контроля и что, в нынешних обстоятельствах ничего не делание вообще в этом направлении приведет к еще более и гораздо более серьезной несправедливости, в частности, к отечественным гражданам).

Второе: прекратить нападать, убивать и бомбить людей в других странах. Главной причиной, пусть и далеко не единственной, нынешнего вторжения в западные страны орд иностранных иммигрантов являются войны, инициированные и проводимые на Ближнем Востоке и в других местах правящими элитами США и их подчиненными западными марионетками-элитами. Кроме того, к настоящему времени кажущиеся «нормальными» и повсеместными террористические нападения во имя ислама во всем западном мире в значительной степени являются «ответной реакцией» на эти войны и последующий за ними хаос на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Не должно быть никаких колебаний называть этих западных правителей тем, чем они являются: убийцами или пособниками массовых убийств. Вместо этого мы должны требовать и громко призывать к проведению внешней политики строгого невмешательства. Выйти из всех международных и наднациональных организаций, таких как ООН, НАТО и ЕС, которые втягивают одну страну во внутренние дела другой. Прекратите всякую правительственную помощь и запретите все продажи оружия иностранным государствам. Пусть сначала будет Америка! — Сначала Англия! — Сначала Германия! — Сначала Италия! и так далее, то есть пусть каждая страна торгует друг с другом и никто не вмешивается в чужие внутренние дела.

Третье: остановить правящую элиту и ее интеллектуальных телохранителей. Разоблачать и широко рекламировать щедрые зарплаты, льготы, пенсии, побочные сделки, взятки и тайные деньги, полученные правящей элитой: высшими должностными лицами в правительстве и правительственных бюрократиях, верховными судами, центральными банками, секретными службами и шпионскими агентствами, политиками, парламента-

риями, партийными лидерами, политическими советниками и консультантами, клановыми капиталистами, «общественными деятелями», президентами университетов и академическими «звездами». Осознать, что вся их сияющая слава и роскошь финансируется за счет денег, вымогаемых у налогоплательщиков, и потому настаивать на сокращении всех налогов: подоходного налога, налога на имущество, налога с продаж, налога на наследство и других налоговых поступлений.

Четвертое: покончить с ФРС (Federal Reserve System) и всеми центральными банками. Второй источник финансирования правящих элит, помимо денег, вымогаемых у населения в виде налогов, поступает от центральных банков. Центральным банкам разрешено создавать бумажные деньги из воздуха. Это снижает покупательную способность денег и разрушает сбережения обыкновенного человека. Она не делает и не может сделать общество в целом богаче, но она перераспределяет доход и богатство внутри общества. Самые ранние получатели вновь созданных денег, то есть правящие элиты, становятся тем самым богаче, а более поздние и позднейшие получатели, то есть средний гражданин, – беднее. Манипулирование процентными ставками Центрального банка является причиной циклов бума-спада. Центральный банк допускает накопление все большего «государственного долга», который перекладывается как бремя на неизвестных будущих налогоплательщиков или просто раздувается. И как посредники государственного долга, центральные банки также являются посредниками войн. Это чудовище должно быть уничтожено и заменено системой свободного, конкурентоспособного банковского дела, построенного на основе подлинных товарных денег, таких как золото или серебро.

Пятое: отменить все законы и положения, касающиеся «позитивных действий» и «недискриминации». Все подобные указы являются вопиющим нарушением принципа равенства перед законом, который, по крайней мере на Западе, интуитивно ощущается и признается основополагающим принципом справедливости. Как владельцы частной собственности, люди должны быть свободны вступать и разрывать ассоциации: включать или исключать, интегрировать или отделять, объединять или отделять, выходить и оставаться. Закройте все университетские кафедры для черных, латиноамериканских, женских, гендерных, квир-исследований и прочих групп, несовместимых с наукой. Кроме того, требуйте, чтобы все комиссары по антидискриминационным мерам, многообразию и сотрудникам по кадровым вопросам, от университетов до школ и детских садов, были выброшены на улицу и были вынуждены изучать какое-то полезное дело.

Шестое: сокрушить «антифашистскую» толпу. Переоценка всех ценностей по всему Западу: изобретение все большего числа «групп жертв», распространение программ «позитивных действий» и неустанное продвижение «политической корректности» – все это привело к росту «антифашистской» толпы. Молчаливо поддерживаемая и косвенно финансируемая правящими элитами, эта самозваная толпа «борцов за социальную справедливость» взяла на себя задачу эскалации борьбы против «привилегий» белых посредством преднамеренных террористических актов, направленных против всех и всего, что считается «расистским», «правым», «фашистским» или «реакционным». Такие «враги» прогресса подвергаются физическому насилию со стороны «антифашистской» мафии, их автомобили сгорают дотла, их имущество уничтожается, а работодатели угрожа-

ют уволить их и разрушить их карьеру — все это время полиция получает приказ от властей, которые должны «отступить», а не расследовать совершенные преступления или преследовать и наказывать преступников. В связи с этим безобразием необходимо вызвать общественный гнев и поднять шум повсюду, чтобы у полиции были развязаны руки и это сборище было избито до их подчинения.

(Вопрос к лево-либертарианцам, которые наверняка будут возражать против этого требования на том основании, что полицию попросили разгромить «антифашистскую» толпу – это государственная полиция: разве на тех же основаниях вы станете возражать, что полиция арестовывает убийц или насильников? Разве эти законные задачи не выполняются также в любом либертарианском обществе частной полицией? И если полиция ничего не должна делать с этим сбродом, разве не ясно, что мишень их нападений, «правые расисты», должны взять на себя задачу дать «борцам за социальную справедливость» мощный отпор?)

Седьмое: сокрушить уличных преступников. Отказавшись от принципа равенства перед законом и предоставив всевозможные групповые привилегии (за исключением одной группы женатых белых христианских мужчин и их семей), правящая элита также отказалась от принципа равного наказания за равные преступления. Некоторые привилегированные государством группы получают более мягкое наказание за одно и то же преступление, чем другие, а некоторые особо привилегированные группы остаются практически безнаказанными, что фактически способствует повышению уровню преступности. Кроме того, запретным районам было разрешено развиваться там, где любые усилия правоохранительных органов по существу прекратили

свое существование и где власть захватили жестокие головорезы и уличные банды. В связи с этим необходимо вызвать общественный фурор и безошибочно потребовать, чтобы полиция быстро и жестко расправилась с любым грабителем, насильником и убийцей и безжалостно очистила все нынешние запретные области, которые были насильственным образом подчинены бандам. Излишне говорить, что эта политика не должна делать различий по цвету кожи, но если случится так, как это на самом деле происходит, что большинство уличных преступников или членов банд являются молодыми черными или латиноамериканскими мужчинами или, в Европе, молодыми иммигрантами из Африки, Ближнего Востока, Балканского полуострова или Восточной Европы, тогда именно они должны быть теми, кто получит наибольшее наказание. И нет необходимости говорить также о том, что для защиты от преступности, будь то обычная уличная преступность или акты терроризма, все запреты на владение оружием честными гражданами должны быть отменены.

Восьмое: избавиться от всех иждивенцев и бродяг. Чтобы укрепить свою собственную позицию, правящий класс посадил низший класс на пособие по безработице и таким образом сделал его самым надежным источником общественной поддержки. Предположительно, чтобы помочь людям подняться из низших слоев общества, чтобы стать самостоятельными членами общества, но в действительности фактический эффект так называемой «социальной политики» государства является его полной противоположностью. Это сделало статус человека из низшего класса более продолжительным и заставило низший класс неуклонно увеличиваться (и вместе с этим также увеличивается число социальных работников и психотерапевтов, финансируемых за

счет налогов, которым поручено «помогать и поддерживать» их). Ибо, в соответствии с неизменным экономическим законом, каждая субсидия, назначаемая в связи с какой-либо предполагаемой потребностью или дефицитом, порождает больше, а не меньше проблем, которые она должна решить или устранить. Таким образом, первопричина низкого классового статуса человека: его низкий контроль над импульсами и высокие временные предпочтения, то есть его неконтролируемое стремление к немедленному удовлетворению, и различные сопутствующие проявления этой причины, такие как: безработица, нищета, алкоголизм, наркомания, насилие в семье, развод, домашние хозяйства, возглавляемые женщинами, внебрачная рождаемость, промискуитет, жестокое обращение с детьми, халатность и мелкие правонарушения не устраняются, а систематически усиливаются и поощряются. Вместо того, чтобы продолжать и увеличивать эту все более неприглядную социальную катастрофу, социальное обеспечение должно быть отменено и нужно громогласно заявить, чтобы человек принял во внимание библейское наставление о том, что тот, кто может, но не будет работать, также не будет есть, и что забота о том, кто действительно не может работать из-за серьезных умственных или физических недостатков, должна предоставляться на добровольной основе со стороны небезразличных.

Девятое: исключить государство из сферы образования. Большинство социальных патологий, преследующих современный Запад, имеют свои общие корни в институте «государственного образования». Когда более двух столетий тому назад в Пруссии были сделаны первые шаги по дополнению и в конечном счете замене прежде совершенно частной системы образования на всеобщую систему обязательного «государственного

образования», время, проведенное в государственных школах, в большинстве случаев не превышало четырех лет. Сегодня во всем западном мире время, проведенное в государственных общеобразовательных учреждениях, составляет, как минимум, около десяти лет, а во многих случаях, и все чаще, двадцать или даже тридцать лет. То есть большая часть времени в течение наиболее важного периода в жизни человека проводится в финансируемых и контролируемых государством учреждениях, основной целью которых никогда не было воспитание просвещенной общественности, но лишь обучение «хороших солдат» и «хороших государственных служащих»: не независимых и зрелых или «*mündige Bürger*», а подчиненных и рабских «*Staats-Bürger*». И каков же результат? Индоктринация сработала: чем больше времени человек провел в системе государственного образования, тем больше он привержен левоэгалитарным идеям и искренне усвоил официальную доктрину и программу «политической корректности». Действительно, в частности среди учителей и профессоров социальных наук, люди, не считающие себя левыми, практически прекратили свое существование. Следовательно, необходимо требовать, чтобы контроль над школами и университетами был отделен от центрального государства и на первом этапе возвращен региональным или, еще лучше, местным и финансируемым на местах органам власти, а в конечном итоге полностью приватизирован, с тем чтобы заменить систему обязательного единого образования и соответствия системой децентрализованного образования, отражающей естественные различия, множественность и разнообразие человеческих талантов и интересов.

Десятое: не доверять политикам или политическим партиям. Как нельзя ожидать от академических кругов

и академического мира какой-либо значительной поддержки либертарианской стратегии социальных изменений, точно так же и с политиками и политическими партиями – в конце концов, конечная цель либертарианства – положить конец политике и подвергнуть все межличностные отношения и конфликты частному и гражданскому праву. Безусловно, в нынешних повсеместно политизированных условиях нельзя полностью избегать вовлечения в большую и партийную политику. Однако, при любом таком участии человек должен остро осознавать и остерегаться развращающего влияния власти и соблазна денег и льгот, которые приходят вместе с ней. И чтобы минимизировать этот риск и искушение, целесообразно сосредоточить свои усилия на уровне региональной и местной, а не национальной политики, и там продвигать радикальную программу децентрализации: мирного отделения и сегрегации. Но самое главное, что мы должны помнить о жизненном девизе Людвиг фон Мизеса: не поддавайтесь злу, а смело идите против него. То есть мы должны высказываться всегда и везде, будь то в официальных или неофициальных собраниях, против любого, кто оскорбляет нас теперь слишком хорошо знакомой «политкорректной» чушью и левоэгалитарной чепухой и говорить: «Нет. Черт возьми, нет. Ты, должно быть, шутишь.» В то же время, учитывая почти полный контроль над разумом, осуществляемый правящими элитами, академические круги и основными средствами массовой информации, это потребует немалой доли мужества. Но если у нас не хватит смелости сделать это сейчас и таким образом подать пример другим, то в будущем дела пойдут все хуже и опаснее, и мы, западная цивилизация и западные идеи свободы и свободы будем уничтожены и исчезнем.

Взрослея с Мюрреем

Я впервые встретил Мюррея Ротбарда летом 1985 года. Мне тогда было 35 лет, а Мюррею – 59. В течение следующих десяти лет, вплоть до преждевременной смерти Мюррея в 1995 году, я был связан с Мюрреем сначала в Нью-Йорке, а затем в Лас-Вегасе, в UNLV, в более тесном, непосредственном и прямом контакте, чем кто-либо другой, за исключением его жены Джоуи, конечно.

Теперь, когда мне стало почти столько же лет, сколько Мюррею в момент его смерти, я счел уместным воспользоваться этим случаем, чтобы поговорить и поразмыслить о том, что я узнал за десять лет моей совместной жизни с Мюрреем.

Я был уже взрослым, когда впервые встретил Мюррея, не только в биологическом, но и в умственном и интеллектуальном смысле, и все же, я только достиг совершеннолетия, когда встретился с ним — и я хочу поговорить об этом опыте.

До встречи с Мюрреем я уже защитил докторскую диссертацию и дослужился до звания приват-доцента (штатного, но неоплачиваемого университетского профессора) – кстати, такого же звания, которое Людвиг фон Мизес когда-то занимал в Вене. Помимо моей док-

торской диссертации (*Erkennen und Handeln*), я уже написал две книги. Одна (*Kritik der kausalwissenschaftlichen Sozialforschung*), разоблачавшая меня как мизесианца, и другая, готовящаяся к изданию в следующем году (*Eigentum, Anarchie und Staat*), которая показывала меня как ротбардианца. Я уже прочитал все теоретические работы Мизеса и Ротбарда. (Однако я еще не читал объемистую журналистскую работу Мюррея, которая в то время была для меня практически недоступна. Таким образом, не моя личная встреча с Мюрреем сделала меня мизесианцем и ротбардианцем. Интеллектуально я уже был мизесианцем и ротбардианцем задолго до того, как лично познакомился с Мюрреем. Итак, несмотря на то, что я сам прежде всего теоретик, я не хочу говорить здесь о великой австро-либертарианской интеллектуальной доктрине, которую Мизес и, следуя за ним, Ротбард, передали нам, или о моем собственном небольшом вкладе в эту систему взглядов, но о моем долгом личном опыте с Мюрреем: о практических и экзистенциальных уроках, которые я получил, общаясь с ним и которые превратили меня из взрослого человека в человека, достигшего совершеннолетия.

Я переехал в Нью-Йорк, потому что считал Мюррея величайшим из всех социальных теоретиков, безусловно, 20-го века и, возможно, всех времен, точно так же, как я считал Мизеса величайшим из всех экономистов, и, поскольку Мизес давно ушел и вышел из игры, я хотел встретиться, познакомиться и работать с этим человеком, Ротбардом. Я все еще придерживаюсь этой точки зрения относительно величия Мизеса и Ротбарда. Действительно, сегодня даже больше, чем 30 лет назад. И с тех пор даже близко не было второго Мизеса или Ротбарда и нам, возможно, придется долго ждать, когда это случится.

Поэтому я переехал в Нью-Йорк, зная работы Мюррея, но почти ничего не зная о нем. Помните, это был 1985 год. Я все еще писал от руки, а затем использовал механическую пишущую машинку, впервые познакомившись с компьютером только в течение следующего года в UNLV. И Мюррей никогда не пользовался компьютером, но оставался с электрической пишущей машинкой до конца своей жизни. Не было ни мобильных телефонов, ни электронной почты, ни интернета, ни Google, ни Wikipedia, ни Youtube. Вначале не существовало даже факсов. Итак, моя переписка с Мюрреем, предшествовавшая моему приезду в Нью-Йорк, велась по старой обычной почте. Мюррей выразил свой энтузиазм по поводу моего желания встретиться и работать с ним и сразу же предложил заручиться помощью Бартон Блюмерта (Burton Blumert), и действительно, Бартон тогда содействовал моему переезду из Европы в США. (Замечательный Бартон Блюмерт, владелец Camino Coins и основатель Центра Либертарианских Исследований (Center for Libertarian Studies), который в конечном итоге будет объединен с Институтом Мизеса (Mises Institute), был одним из самых близких друзей и доверенных лиц Мюррея. Он также был моим покровителем и другом).

Я видел некоторые фотографии Мюррея, я знал, что он, как и Мизес, был евреем, что он преподавал в Brooklyn Polytechnic Institute (впоследствии переименован в New York Polytechnic University и в настоящее время называется Polytechnic Institute of NYU), что он был редактором восхитительного журнала либертарианских исследований, и что он был тесно связан, как научный руководитель, с Институтом Людвиг фон Мизеса, который в 1982 году, 35 лет назад, основал Лью Роквелл (Lew Rockwell). Вот примерно и все.

И вот, оба неподготовленные, мы впервые встретились в университетском кабинете Мюррея. Вот я, «cool blonde from the North», цитирую популярную рекламу горького на вкус северогерманского пива, молодой, высокий и спортивного телосложения, несколько необщителен и с сухим чувством юмора, а также более грубый, саркастический и конфликтный. Идеальный Wehrmacht-material, если хотите. А еще был Мюррей – «невротик из большого города», если использовать название из комедии Вуди Аллена «Энни Холл», на поколение старше, невысокий и полный, не атлетичный, даже неуклюжий (за исключением умения работать на печатной машинке), общительный и веселый, никогда не хандрящий, но всегда радостный, и в своих личных отношениях (совсем не похоже на его писания) всегда бесконфликтный, уравновешенный и даже несколько уступчивый. Не совсем Wehrmacht-material. С точки зрения характеров, мы едва ли могли бы быть более разными. Действительно, мы были довольно странной парой — и все же, мы поладили с самого начала.

Учитывая длительные, особые отношения между немцами и евреями, особенно в течение двенадцатилетнего периода правления национал-социалистической партии в Германии, с 1933 по 1945 год, я, как молодой немец, встретивший старшего еврея в Америке, опасался, что эта история может стать потенциальным источником напряженности. Это было не так. Совсем наоборот.

По вопросу о самой религии было достигнуто общее согласие. Мы оба были агностиками, но при этом глубоко интересовались социологией религии и весьма сходными взглядами на сравнительную религию. Тем не менее, Мюррей значительно углубил мое понимание роли религии в истории через свою, к сожалению, не-

завершенную большую работу, посвященную истории экономической мысли, над которой он работал в течение последнего десятилетия своей жизни.

Кроме того, в наших бесчисленных беседах я узнал от Мюррея о важности дополнения австро-либертарианской теории ревизионистской историей, чтобы прийти к подлинно реалистической оценке исторических событий и глобальных событий. И именно я тогда, как человек, выросший в побежденной и опустошенной послевоенной Западной Германии с тогдашней (и до сих пор) «официальной историей», преподаваемой во всех немецких школах и университетах (А) чувствуя вину и стыд за то, что я немец и немецкая история и (В) полагая, что Америка и американский демократический капитализм были «величайшей вещью» со времен или даже до изобретения нарезанного хлеба, должен был пересмотреть свои ранее все еще, несмотря на всю австро-либертарианскую теорию, довольно наивные взгляды на мировые события вообще и американскую и немецкую историю в частности. На самом деле, Мюррей заставил меня принципиально изменить мое довольно радужное представление о США (несмотря на Вьетнам и все такое) и помог мне, впервые, почувствовать себя утешенным, довольным и даже счастливым от того, что я немец, и развить особую заботу о Германии и судьбе немецкого народа.

Таким образом, к моему первоначальному удивлению — и в конечном счете моему великому и приятному облегчению — Мюррей был настоящим германофилом. Он знал и высоко ценил немецкий вклад в философию, математику, науку, технику, научную историю и литературу. Его любимый учитель Мизес первоначально писал по-немецки и был порождением немецкой культуры. Мюррей любил немецкую музыку, он любил немецкие

барочные церкви, он любил Баварскую атмосферу пивного сада и традицию «от церкви к пивному саду». Его жена Джоуи была немецкого происхождения, ее девичья фамилия была Джоанн Шумахер, и Джоуи была членом Общества Рихарда Вагнера (Richard Wagner Society) и большим поклонником оперы. Кроме того, большинство друзей Мюррея, с которыми мне предстояло встретиться, оказались германофилами.

Первым из них был Ральф Райко (Ralph Raico), великий историк классического либерализма, которого я надеялся снова увидеть по этому случаю, но который, к сожалению, покинул нас навсегда почти год назад. Я познакомился с Ральфом всего через несколько месяцев после моего приезда в Нью-Йорк, на вечеринке, устроенной в квартире Мюррея в верхнем Вестсайте. Я сразу же воспринял его едкий сарказм и с годами мы стали близкими друзьями. Помимо наших многочисленных встреч на различных мероприятиях Института Мизеса, я все еще с любовью вспоминаю, в частности, наши длительные совместные поездки в Северную Италию и особенно когда на конференции в Милане, спонсируемой некоторыми друзьями и филиалами некогда (но уже не) сепаратистской Lega Nord, некоторые самопровозглашенные — кто бы мог предположить — «антифашистские» демонстранты появились перед конференц-отелем, чтобы осудить нас, к нашему большому удовольствию, как «libertari fascisti». Ральф также был тем, кто углубил мои познания о WWI (Первая мировая война) и WWII (Вторая мировая война), а также обо всем межвоенном периоде, и именно Ральф посвятил меня в историю немецкого либерализма и, в частности, его радикальных либертарианских представителей XIX века, которые были почти полностью забыты в современной Германии.

Между прочим, Лью Роквелл тоже рано проявил свои германофильские способности. Когда мы впервые встретились в Нью-Йорке осенью 1985 года, он водил Mercedes 190, затем он на несколько лет сбился с пути, став владельцем пикапа американского производства, но в конечном итоге вернулся в лоно, управляя Mini Cooper, произведенным BMW.

Но прежде всего именно Мюррей научил меня никогда не доверять официальной истории, неизменно написанной победителями, а проводить все исторические исследования вместо этого, как детектив, расследующий преступление. Всегда, в первую очередь и в качестве первого приближения, следуйте за деньгами в поисках мотива. Кто выиграет, будь то деньги, недвижимость или чистая власть от той или иной меры? В большинстве случаев ответ на этот вопрос приведет вас непосредственно к самому субъекту или группе субъектов, ответственных за рассматриваемую меру или политику. Однако, как бы ни было просто задать этот вопрос, он гораздо сложнее и зачастую требует напряженных исследований, чтобы ответить на него и откопать из-под огромной дымовой завесы кажущейся возвышенной риторики и благочестивой пропаганды твердые факты и показатели — денежные потоки и рост благосостояния — чтобы фактически доказать преступление и выявить его исполнителей. Мюррей был мастером в этом, и это в то время, когда не было доступа к компьютерам, интернету и поисковым машинам, таким как Google. И чтобы провести такую работу, как я узнал от Мюррея, вы должны выйти за рамки официальных документов, ведущих СМИ, больших и известных имен, академических «звезд» и «престижных» журналов — короче говоря: всего, что считается «респектабельным» и «политкорректным». Вы также должны, в частности, обратить

внимание на работы аутсайдеров, экстремистов и изгоев, то есть на «неуважаемых» или «достойных сожаления» людей и «малоизвестные» издания, которые вы должны игнорировать или о которых даже не должны знать. Я и по сей день прислушиваюсь к этому совету и даже получаю от него удовольствие. Любой, кто мог бы увидеть мой список закладок часто посещаемых веб-сайтов, вероятно, был бы удивлен, а любой член истеблишмента или левый в частности, вероятно, был бы потрясен и содрогнулся от отвращения.

С таким взглядом на вещи, ревизионисты, такие как Мюррей (и я), регулярно клеймятся как сумасшедшие теоретики заговоров. На это обвинение Мюррей обычно отвечал: во-первых, прямо и саркастически, даже если вы были сертифицированным параноиком, это не может быть принято как доказательство того, что никто вас на самом деле не контролировал. А во-вторых, более систематично: чем больше число предполагаемых заговорщиков, тем меньше вероятность заговоров. Кроме того, наивно предполагать существование всего лишь одного большого всеобъемлющего заговора, управляемого одной всемогущей группой заговорщиков. Но заговоры, часто соперничающие или даже противоречивые заговоры, то есть тайные усилия различных групп людей, действующих сообща в погоне за какой-то общей целью, действительно являются вездесущей чертой социальной реальности. Как и любое действие, такие заговоры могут иметь успех или они могут потерпеть неудачу и могут привести к последствиям, которые не были задуманы заговорщиками. Но, говоря реалистично, большинство, если не все исторические события, являются более или менее точно такими, какими их задумали некоторые идентифицируемые люди или группы людей, действующие совместно. Действительно, пред-

полагать обратное — значит наивно предполагать, что история есть не что иное, как последовательность недоступных пониманию случайностей.

Кроме того, узнав от Мюррея о необходимости дополнения австро-либертарианской теории ревизионистской историей с целью получения полной, реалистичной картины мира и мирских дел, я также получил от него навыки искусства благоразумного и рассудительного суждения и оценки людей, действий и событий. Чистая теория позволяет нам делать довольно четкие суждения об истинном или ложном, правильном или неправильном, эффективном, ведущем к намеченной цели или неэффективном. Но многие, если не большинство действий и событий, провоцирующих или вызывающих наши суждения, не подпадают под категорию вещей, которые могут быть таким образом оценены. Мы окружены, или еще лучше: окольцованы классом людей — политиков и государственных агентов, которые изо дня в день принимают и осуществляют решения, которые систематически влияют на нашу собственность и, следовательно, на все наше поведение в жизни без нашего согласия и даже не смотря на наш явный протест. Короче говоря: мы сталкиваемся с элитой правителей, а не, в отличие от нее, с элитой агентов. И тогда, сталкиваясь с политиками и политическими решениями, наше суждение касается оценки, в лучшем случае, второстепенных показателей. Этот вопрос не является истинным или ложным, правильным или неправильным, эффективным или неэффективным. Скорее, верно следующее: учитывая, что политические решения сами по себе ложны, неправильны и неэффективны, это вопрос того, какое из этих решений менее ложно, неправильно и эффективно и сравнительно ближе к истине, праву и добру, и какой человек представляет меньшее зло

или большее, чем другое. Такие вопросы не допускают научного ответа, потому что ответ на них предполагает сравнительную оценку бесчисленных и несоизмеримых переменных величин. И в любом случае, вновь обнаруженные факты о прошлом или будущем развитии событий вполне могут выявить любое такое суждение как ошибочное. Но ответ также не является произвольным. То, что является истинным, правильным и эффективным, дается, в качестве точек фиксации, и причины должны быть представлены, независимо от того, основаны ли они на логике или эмпирических доказательствах, для определения различных вторых лучших вариантов как более близких или более удаленных к таким точкам. Скорее, принятие решений в таких вопросах является сложным искусством, так же как предпринимательство – это не наука, а искусство. И точно так же, как одни люди хороши в предпринимательстве, а другие плохи, о чем свидетельствуют денежные прибыли или убытки, так и некоторые люди хороши в оценке политических событий и действующих лиц, а другие плохи, приобретая или теряя репутацию мудрых и осмотрительных судей.

Мюррей, конечно, не был непреклонен в своих суждениях. Например, в конце 1960-х и начале 1970-х годов он неверно оценивал антивоенную позицию новых левых как более принципиальную, чем она была на самом деле, что впоследствии он с готовностью признал ошибкой. И я знаю, по крайней мере, один довольно личный случай, когда мнение Джоуи было лучше и больше на отметке, чем его. Тем не менее, несмотря на это, я не встречал никого более здравомыслящего, чьи суждения были подтверждены фактами, чем Мюррей.

С этим я хочу подойти ко второму главному уроку, который я получил во время моего долгого общения с

Мюрреем. Если первый урок ревизионизма касался вопросов практики и метода, то второй урок касался вопросов экзистенциальных.

До того как я встретил Мюррея, я, конечно, знал, что он был радикальным аутсайдером в преимущественно лево-либеральной научной среде, и я ожидал (и был готов принять для себя), что потребуются некоторые жертвы, то есть что нужно будет заплатить цену за то, чтобы быть Ротбардианцем, в том числе в денежном выражении. Но я был весьма удивлен, осознав, насколько высока была эта цена. Я знал, что Бруклинский Политехнический не был престижным университетом, но все же ожидал, что Мюррей займет там удобную, хорошо оплачиваемую должность. Более того, в то время я все еще считал США бастионом и оплотом свободного предпринимательства и поэтому ожидал, что Мюррей, как главный интеллектуальный защитник капитализма и олицетворенная антитеза Марксу, будет высоко цениться если не в академических кругах, то уж точно вне их, в мире коммерции и бизнеса, и соответственно будет в некоторой степени вознагражден.

На самом деле, в Бруклинском политехническом институте Мюррей занимал маленький, грязный и лишенный окон кабинет, который ему приходилось делить с профессором истории. В Германии даже научные сотрудники наслаждались более комфортной обстановкой, не говоря уже о тех, кто занимал должность профессора. Мюррей был одним из самых низкооплачиваемых штатных профессоров в своем институте. Действительно, мой грант Немецкого национального научного фонда в то время — стипендия Гейзенберга — оказался значительно выше университетской зарплаты Мюррея (то, что я слишком стыдился рассказать ему после того, как узнал об этом). А квартира Мюррея на Ман-

хэттене, большая и до потолка забитая книгами, была темной и обветшалой. И уж конечно, ничего похожего на пентхаус, который я себе представлял. Ситуация значительно улучшилась после его переезда в 1986 году, в возрасте 60 лет, в Лас-Вегас и UNLV. Хотя моя зарплата там упала по сравнению с предыдущей компенсацией, зарплата Мюррея резко возросла, но все еще была ниже \$100,000, и он мог позволить себе купить просторный, но спартанский дом. Однако даже будучи обладателем должности председателя в UNLV, Мюррей не имел в своем распоряжении ни научных сотрудников, ни личного секретаря.

И все же Мюррей никогда не жаловался, не выказывал ни горечи, ни признаков зависти, но вместо этого всегда радостно шел вперед и продолжал писать. Это был трудный урок для меня, и я до сих пор иногда испытываю трудности в следовании ему.

Однажды Джоуи и Мюррей со смехом рассказали мне, что в то время, когда они еще встречались, оба ожидали, что другой будет хорошей партией. Джоуи, потому что Мюррей был евреем, и Мюррей, потому что Джоуи была неевреем — только чтобы потом узнать, что они оба ошибались в своих ожиданиях.

Более того, несмотря на свои выдающиеся достижения в качестве интеллектуального поборника свободного рыночного капитализма, Мюррей никогда не получал никаких призов, наград или почестей, о которых можно было бы говорить. То, что он не получил Нобелевскую премию по экономике, конечно, не удивительно. Ведь и великий Мизес ее не выиграл. Но только в США существовали десятки институтов – мозговые центры, фонды, деловые ассоциации, исследовательские центры и университеты, – которые заявляли о своей приверженности свободному рынку и свободе,

и все же ни один из них никогда не награждал Мюррея какой-либо значительной премией или почетной наградой, и все это время они осыпали людей деньгами и наградами, которые сделали немногим больше, чем предлагали — некоторые постепенные реформы, такие как, скажем, снижение предельной налоговой ставки с 35 до 30 процентов или сокращение бюджета ЕРА на несколько процентных пунктов, или за простое частое, громкое и решительное выражение своей «личной любви» к «свободе» и «свободному предпринимательству».

Все это нисколько не смутило Мюррея. Да он и не ожидал ничего другого, по причинам, которые мне еще предстояло узнать.

Мюррей понял, а мне еще предстояло узнать, что наиболее громкое и яростное неприятие и противодействие австро-либертарианству исходят не от традиционных социалистических левых, а скорее от самопровозглашенных сторонников «антисоциалистических», «ограниченных» правительств, «минимальных государств», «выступающих за частное предпринимательство» и «выступающих за свободу», и прежде всего от тех, кто стал известен как *Beltway Libertarians*. Они просто не могли смириться с тем фактом, что Мюррей с ясной логикой продемонстрировал, что их доктрины были не чем иным, как непоследовательной интеллектуальной ловушкой, и что все они были, используя приговор Мизеса в отношении Милтона Фридмана (*Milton Friedman*) и его компании, «кучкой социалистов», несмотря на их яростные протесты. Ибо, как утверждал Мюррей, как только вы признаете существование государства, любого государства, определяемого как территориальный монополист окончательного принятия решений в каждом случае конфликта, включая конфликты, связанные с самим государством, тогда вся частная собствен-

ность становится фактически упразднена, даже если она остается номинально частной, и была заменой системы «коллективной» или, скорее, государственной собственности. Государство, любое государство, означает социализм, определяемый как «коллективная собственность на средства производства». Институт государства праксеологически несовместим с частной собственностью и предприятием, основанным на частной собственности. Он является антитезисом частной собственности, и любой сторонник частной собственности и частного предпринимательства должен, по логике вещей, быть анархистом. В этом отношении (как и во многих других) Мюррей не желал идти на компромисс, и был «непримиримым», как сказали бы его недоброжелатели. Потому что теория делает компромисс недопустимым. В повседневной жизни компромисс – это, конечно, постоянная и повсеместная черта. Но в компромисс в теоретической базе – это высший грех, он строго и абсолютно недопустим. Недопустимо, например, идти на компромисс между двумя несовместимыми посылками, что $1+1=2$ или что $1+1=3$, и принимать, что это 2,5. Либо какое-то предложение истинно, либо оно ложно. Не может быть никакой «встречи в середине» истины и лжи.

Здесь, касаясь бескомпромиссного радикализма Мюррея, кажется уместным небольшой анекдот, рассказанный Ральфом Райко. Цитируя Ральфа:

Мюррей был кем-то особенным. Я понял это в первую же ночь, когда встретил его. Это было после семинара Мизеса; меня и моего друга пригласили туда, а после него Мюррей предложил выпить кофе и поговорить. Мы с моим другом были ослеплены великим Мизесом, и Мюррей, естественно, был рад видеть наш энтузиазм. Он уверял нас, что Мизес был

по меньшей мере величайшим экономистом столетия, если не всей истории экономической мысли. Что же касается политики, то Мюррей заговорщицки понизил голос: «Ну, когда речь заходит о политике (...) некоторые из нас считают Мизеса членом некоммунистической партии левых». – Да, было легко понять, что мы встретили кого-то очень особенного.

В отличие от Мюррея, довольно много людей, которые узнали практически все, что они когда-либо знали от Мюррея из его работы «Человек, Экономика и Государство», были готовы пойти на компромиссы, за что они были щедро вознаграждены за свою интеллектуальную «гибкость» и «терпимость». Но Мюррей не был таким! И поэтому его игнорировали (и до сих пор игнорируют), исключали или осуждали вожди «ограниченной-правительством-свободным-рынком-промышленности». И он был фактически оставлен без какой-либо институциональной поддержки, как одинокий боец, до прибытия Лью Роквелл и Института Мизеса.

Я испытал эту ротбардофобию из вторых рук, если хотите. Ибо как только стало известно, что новоприбывший немец был мальчиком Мюррея и к тому же казался довольно «непримиримым», я тут же оказался с ним в одном черном списке. Таким образом, я быстро усвоил первый важный урок реальной жизни о том, что значит быть ротбардианцем.

Еще один урок заключался в смирении. У Мюррея была огромная библиотека, он прочитал и переварил огромное количество литературы и был скромным человеком. Он всегда был неохотным и крайне скептическим, чтобы принять или признать любые претензии на «оригинальность». Он знал, что претензии на «оригинальность» чаще всего предъявляют люди с крошечны-

ми библиотеками и небольшим списком прочитанных книг. В отличие от них, Мюррей был очень щедр, отдавая должное другим. И он был столь же щедр, давая советы всем, кто его спрашивал. В самом деле, почти по любому мыслимому предмету он был готов с головы до ног снабдить вас обширной библиографией. Кроме того, он поощрял любые признаки продуктивности даже среди своих наименее способных учеников.

Хотя я всегда старался следовать этому примеру, я не мог заставить себя зайти так далеко, как это делал Мюррей. Потому что я думал и все еще думаю, что смирение Мюррея было чрезмерным, что он был смиренным почти до чрезмерного уровня. Его студенты в Бруклинском политехникуме, например, в основном по инженерным специальностям (или, как Мюррей описал студентов Мизеса в Нью-Йоркском университете, «упаковочные специальности»), понятия не имели, кто он такой, потому что он никогда не упоминал о своих собственных работах. Они были искренне удивлены, когда узнали от меня о том, кем был их веселый профессор, когда я заменял Мюррея, пока его не было в городе. Да и в UNLV ситуация не сильно отличалась. В то время как я активно продвигал его в качестве неофициального PR-агента, Мюррей продолжал свое самоуничижение. Хотя он писал почти по любому мыслимому предмету в области общественных наук, он, когда предлагал или поручал курсовые работы своим студентам, если и упоминал о своих собственных работах, то делал это только в крайних случаях или по личной просьбе.

Однако крайняя скромность Мюррея имела и еще один неприятный эффект. Когда мы переехали в Лас-Вегас в 1986 году, мы ожидали, что UNLV превратится в бастион австрийской экономики. В то время баскетбольная команда UNLV, «Runnin' Rebels», под руководством

тренера Джерри Тарканяна, была всегда немного скандальной и у всех на виду. Мы надеялись стать «Runnin' Rebels» экономики в UNLV. Несколько студентов были переведены и зачислены в университет в ожидании такого развития событий. Но эти надежды быстро развеялись. Уже по прибытии на UNLV состав экономического отдела существенно изменился, а затем установилось правление большинства, демократия. Чтобы уравновесить австрийское влияние, всего лишь год спустя ведомственное большинство решило, вопреки нашей оппозиции, нанять безымянного марксиста. Я убеждал Мюррея использовать свое положение и репутацию, чтобы помешать высшему руководству университета и предотвратить это назначение. За исключением Джерри Тарканяна, Мюррей был единственным человеком в UNLV, которого знали на национальном уровне. Он был единственным заведующим кафедрой в университете. Мы были знакомы с президентом и ректором университета и находились с ними в дружеских отношениях. Соответственно, я полагал, что существует реальная возможность отменить решение департамента. Но я не мог убедить Мюррея в его собственных силах.

После этой упущенной возможности дела пошли еще хуже. Департамент продолжал нанимать кого угодно, но только не австрийца или кого-либо близкого по духу. Наши студенты подвергались плохому обращению и дискриминации. Департамент и декан бизнес-колледжа отказали мне в приеме на работу (это решение было отменено ректором и президентом университета, не в последнюю очередь из-за массовых студенческих протестов и вмешательства нескольких доноров университета). Заведующий кафедрой написал возмутительную, неприятную и оскорбительную ежегодную оценку профессорской деятельности Мюррея (после чего админи-

страция университета вынудила его уйти с занимаемой должности). Как следствие, у нас появился второй шанс все изменить. Были разработаны и обсуждены с ректором планы по разделению кафедры и созданию отдельного экономического факультета в колледже гуманитарных наук. На этот раз Мюррей стал принимать участие в деле. Но первоначальное преимущество было утрачено за это время, и после первых признаков сопротивления Мюррей быстро смирился и сдался. Он не собирался мириться с политикой большинства, и наш сепаратистский проект вскоре потерпел поражение.

Только чтобы быстро закончить нашу сагу о UNLV: после смерти Мюррея в 1995 году я продолжал работать в UNLV в течение еще одного десятилетия во все более враждебной обстановке. Когда-то покровительственная администрация университета изменилась, и мое присутствие там стало еще более неуместным. Даже моя большая популярность среди студентов была использована против меня, как доказательство «опасности», исходящей от моего учения. В 2004 году я оказался втянут в скандал. В одной лекции я гипотетически предположил, что гомосексуалисты, в среднем, и вследствие их характерного отсутствия детей, имели сравнительно более положительную степень временного предпочтения. Один плаксивый студент пожаловался, и университетский комиссар позитивных действий немедленно, как будто он только ждал этой возможности, инициировал против меня официальное разбирательство, угрожая суровыми карательными мерами, если я немедленно и публично не откажусь и не извинюсь. Я был непримирим и отказался это сделать. И я уверен, что только из-за моего непреклонного отказа просить прощения ситуация сложилась таким образом, что после целого года административных преследований я в

конечном счете вышел победителем из этой битвы против полиции мыслей, и администрация университета потерпела позорное поражение. Через год я уволился со своей должности и навсегда покинул UNLV и США.

Возвращаясь к Мюррею: естественно, я был разочарован развитием событий в UNLV. Но они не оказали ни малейшего влияния на наше дальнейшее сотрудничество. Может быть, Мюррей был прав и более реалистичен с самого начала, и это я страдал от избытка юношеского оптимизма? В любом случае, был еще один важный урок, который мне предстояло усвоить.

В то время как большинство людей склонны становиться более мягкими и более «терпимыми» в своих взглядах, когда они становятся старше, Мюррей становился все более радикальным и менее терпимым с течением времени. Не в его личных отношениях, как я уже подчеркивал. В этом отношении Мюррей был и оставался до конца «мягким» человеком, но в своих речах и сочинениях. Эта радикализация и растущая «непримиримость» появились в ответ на события в мире американской политики в целом и в частности в рамках сторонников «ограниченного правительства и свободного рынка» и среди так называемых либертарианцев, собравшихся вокруг Вашингтона, округ Колумбия. Там, повсюду, можно было наблюдать медленный, но систематический дрейф в сторону левых и левых идей. Дрейф, который с тех пор, вплоть до сегодняшнего дня, только еще больше набрал обороты и вырос в силу. Постоянно новые «права» «открывались» и принимались, в частности, так называемыми либертарианцами. «Права человека» и «гражданские права», «права женщин» и «права геев», «право» не подвергаться дискриминации, «право» на свободную и неограниченную иммиграцию, «право» на бесплатное питание и бесплатное медицин-

ское обслуживание, а также «право» быть свободным от неприятных речей и мыслей. Мюррей уничтожил весь этот якобы «гуманистический» или, если использовать немецкий термин, «Gutmenschen» интеллектуальный вздор, демонстрируя, что ни одно из этих предполагаемых «прав» не было совместимо с правами частной собственности. И что, как прежде всего должны знать либертарианцы, только право частной собственности, то есть право каждого человека на владение своим физическим телом и владение всеми внешними объектами, которые были справедливо (мирно) приобретены им, может быть аргументированно защищено в качестве универсальных прав человека. Таким образом, Мюррей снова и снова доказывал, что все права, кроме права частной собственности, являются фальшивыми, не всеобъемлющими правами. Каждый призыв к «правам человека», помимо прав частной собственности, в конечном счете мотивируется эгалитаризмом и как таковой представляет собой бунт против человеческой природы.

Более того, Мюррей пошел еще дальше вправо — в соответствии с Эриком Леддином (Erik von Kuehnelt-Leddihn), утверждающим, что «the right is right», — указывая, что для установления, поддержания и защиты либертарианского социального порядка требуется нечто большее, чем простое соблюдение принципа неагрессии. Идеал левых или «modal» либертарианцев, как их называл Мюррей, «живите и давайте жить другим, пока вы не нападаете на кого-то другого», который звучит так привлекательно для подростков, бунтующих против авторитета родителей и любых социальных правил, может быть достаточным для людей, живущих далеко друг от друга и взаимодействующих лишь косвенным образом. Но этого решительно недостаточно, когда речь за-

ходит о людях, живущих в непосредственной близости друг от друга, то есть о соседях и сожителях одной и той же общины. Мирное сосуществование соседей и людей, находящихся в постоянном непосредственном контакте друг с другом на определенной территории, требует также единства культуры: языка, религии, обычаев и традиций. Возможно мирное сосуществование различных культур на отдаленных, физически разделенных территориях, но мультикультурализм, культурная гетерогенность не могут существовать в одном и том же месте и на одной территории, не приводя к снижению уровня социального доверия, увеличению конфликтов и, в конечном итоге, к разрушению всего, что напоминает либертарианский правопорядок.

Если раньше обычные подозреваемые игнорировали Мюррея, пренебрегали им или негодовали по его поводу, то теперь, когда он выступал против всего, что считалось «политически корректным», его поносили и встречали с нескрываемой ненавистью. Последовала уже слишком знакомая литания обличительных терминов: Мюррей был реакционером, расистом, сексистом, авторитарным, элитарным, ксенофобом, фашистом и, в довершение всего, ненавидящем себя евреем-нацистом.

Мюррей лишь пожал на это плечами. В действительности, он даже посмеивался над этим. И действительно, к ужасу «smear bund», как Мюррей называл объединенный народный фронт своих «антифашистских» недоброжелателей, его влияние лишь продолжало увеличиваться и стало расти еще больше после его смерти. Возможно, это не будет широко признано, но без Мюррея не было бы никакого Рона Пола, каким мы его знаем — и я говорю это, не желая ни в малейшей степени умалять или умалять собственную, личную роль Рона Пола и его выдающиеся достижения, — не было бы никакого

движения Рона Пола, и не было бы никакой популярной или, как предпочитает говорить «smear bund», никакой «популистской» либертарианской повестки дня.

Что касается меня, то мои собственные взгляды тоже радикализировались вместе с Мюрреем. Моя работа «Демократия: Бог, который потерпел неудачу» была первым крупным документом в этом направлении, и если уж на то пошло, то моя радикальная нетерпимость по отношению к чему-либо лево-либеральному и «политкорректному» с тех пор лишь возросла. Почти нет нужды говорить, что я тоже тогда был удостоен тех же и даже нескольких дополнительных почетных титулов «smear bund», что и Мюррей (за исключением ненавидящего себя еврея). И все же я научился отмахиваться от всего этого, поскольку видел, как это делал Мюррей, и как Ральф Райко всегда поощрял и продолжал давать мне советы. Кроме того, мне вспомнилась популярная немецкая поговорка: «Viel Feind, Viel Ehr». И действительно, продолжающийся успех моей ежегодной конференции «Property and Freedom Society», которая проводится уже 12-й год и проводится в подлинно ротбардианском духе, продемонстрировал полный провал всех кампаний инсинуаций, направленных против меня. Если уж на то пошло, они скорее помогли, чем помешали мне в привлечении все более широкого круга интеллектуальных сторонников, партнеров и друзей.

Я должен добавить, что в течение последнего десятилетия или около того, под мудрым и строгим руководством моей прекрасной жены Гюльчатай, я также сделал большие успехи в сочетании бескомпромиссного интеллектуального радикализма с личной учтивостью, хотя природа и естественный характер помешали мне приблизиться к Мюррею в этом отношении.

Я слишком мало говорил здесь о Лью, и я искренне

извиняюсь. Но вот что я должен сказать: Лью, за исключением Мюррея, был одним из самых важных людей, кто помог мне стать тем человеком, которым я являюсь сегодня. А Мюррею, который, я уверен, наблюдает за нами сегодня с высоты, я говорю: спасибо тебе, Мюррей, ты мой герой, – и я надеюсь, что ты горд своим учеником. Я всегда испытывал огромную радость, когда ты говорил мне: «отлично Ханс, молодец», и даже если я не смогу услышать тебя прямо сейчас, ничто не доставит мне большего удовольствия, чем если бы ты повторил это прямо сейчас там, наверху, среди других великих умов.